

"ОТЧАЯВШИЕСЯ ДОМОХОЗЯЙКИ" ИЗ БИБЛИИ

ДАГ БРЕНДЕЛ
ДЭВИД БРАУН

NEW THING
г. Скотсдейл, штат Аризона, США

www.NewThing.net

"ОТЧАЯВШИЕСЯ ДОМОХОЗЯЙКИ" ИЗ БИБЛИИ

All Rights Reserved © 2005 by New Thing, Inc.

Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена или передана в любой форме или любыми средствами, графическими, электронными или механическими, включая фотокопирование, звукозапись, запись на магнитную ленту или любую систему хранения и поиска информации, без письменного разрешения издателя.

New Thing, Inc. www.NewThing.net

Все цитаты из Библии в русском переводе даны по Синодальному переводу Библии на русский язык. Все права закреплены.

© Перевод с английского. Ю. Смирнов. 2005

**"ОТЧАЯВШИЕСЯ
ДОМОХОЗЯЙКИ"
ИЗ БИБЛИИ**

СОДЕРЖАНИЕ

1	Не такая уж одинокая девушка.....	9
2	Вовремя попасть под дождь.....	23
3	Хранить верность верности.....	37
4	Романтика, риск, искупление.....	47
5	А у тебя хорошая порода.....	59
6	Евангелие от Синатры.....	73
7	Сила быть "твоим".....	83
8	Вычисти меня.....	93

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим: сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя».—*Матфея 22:37-39.*

В этой книге собраны проповеди по библейскому жизнеописанию царя Давида. Они изложены почти в том виде, в котором и были прочитаны в общине «Компас», которая с января 2004 года собирается в городе Финикс, штат Аризона.

Мы встречаемся по вечерам в среду и четверг в неформальной обстановке в простом доме, а не в здании церкви, и упор делаем на то, как нам жить в будние дни, а не как вести себя на воскресных богослужениях. Мы вместе пьем чай, смеемся, плачем, славим Бога, учимся, пробираемся сквозь суету и мелочи к главному, радуемся и веселимся. Иногда мы устраиваем пикники, иногда вместе плаваем в бассейне.

У нас две главные цели: любить Бога и любить людей (Мф. 22:37-39).

Эти проповеди были написаны пастором-проповедником Дагом Бренделом и его помощником Скоттом Никсоном с неоценимой помощью в виде советов и редактирования со стороны главного пастора Дэвида Брауна. Вопросами, комментариями и ценными идеями помогали при подготовке проповедей Ребекка Радмахер Браун и Кристина Брендел. Хайди Риз взяла на себя труд вычитки рукописи.

Вы можете больше узнать о «Компасе», посетив наш сайт www.compassfellowship.org или позвонив по телефону (602) 751-9421 (в США). Мы рады будем с вами познакомиться!

1

НЕ ТАКАЯ УЖ ОДИНОКАЯ ДЕВУШКА

Какую женщину вы считаете самой-самой красивой? Если верить тысячам вебсайтов и Интернет-опросов, самая красивая женщина в мире – это бывшая "Мисс Мира" Айшвария Рай. Первой красавицей в мире ее назвала сама Джулия Робертс.

Это первая беседа из цикла, который я, на волне популярного в Америке телесериала "Отчаявшиеся домохозяйки" назвал "Библейские отчаявшиеся домохозяйки", и вот сразу, в самом же начале не могу не сказать, что одна из "самых отчаявшихся домохозяек" в Библии оказывается также и одной из самых красивых... а может, и самой-самой красивой женщиной за всю историю человечества. Когда она родилась, ее называли Сара. Позднее имя ее изменилось и стало звучать иначе – Сарра. Она была первой женой Авраама, которого тоже потом стали называть иначе – Авраамом, что значит "отец множества", и стал он отцом народа Израилева. Более того, Авраам еще и отец нашей с вами христианской веры, потому что именно от него, от его потомков родился Иисус.

Сара была всем красоткам красотка. Эффектная была женщина. И своей красотой она, конечно, могла бы пользоваться всю (подумали бы мы). Мы бы от нее запросто могли ожидать, что она от любого мужчины взяла бы все, чего ей только захотелось бы. Нет, я никого не хочу обидеть – ни женщин, ни мужчин, но такова уж жизнь, таковы уж женщины, и таковы мужчины.

Но Сара жила четыре тысячи лет тому назад, когда женщин даже больше, чем кое-где сегодня, считали просто вещью, которая в хозяйстве могла иногда очень даже и пригодиться. Так что Саре от ее красоты никакого навару не было. Проблемы были. Вот что с ней случилось. Вы все можете прочитать у себя в Библии, в книге **Бытие, с 11-й по 21-ю**

главу, но я для вас все кратенько перескажу.

Авраам и Сарра не бедствовали, жили неплохо. Детей у них не было, но Бог сказал Аврааму (**Быт. 12**), что даст ему во владение весь Ханаан – всю землю от Нила (сегодня Египет) до Евфрата (сегодня Ирак) – и землей этой будут владеть потомки Авраама. Но откуда ж им взяться, этим потомкам? Авраам-то с Саррой не молодели, а как раз наоборот, и потому шансы на внучат и правнучат таяли с каждым днем. Но Авраам от всего сердца поблагодарил Бога, и жизнь покатила дальше.

Авраам взял в свой бизнес племянника, и они затеяли крупное дело – наняли много работников, закупили скот, инструменты, материалы... Жили они в пустыне Негев, между Синайским полуостровом и Мертвым морем. Но тут случился какой-то сбой в климате, и наступил голод. Нужно было добывать пропитание, а там, где они жили, взять продовольствие было неоткуда.

Я бы вам очень хотел сказать, что, когда Бог пообещал Аврааму дать землю ханаанскую, Авраам твердо обосновался на этой земле и сказал: "Ничего не знаю. Я остаюсь здесь. Бог что-то пошлет". Но Авраам так не поступил. Он взял дело в свои руки и решил отправиться с семьей на запад, переселиться в Египет, где провианта было в достатке. Я очень бы вам хотел сообщить, что все получилось лучше некуда, что никаких серьезных последствий для Авраама после того, как он не поверил в обетование Божье и не доверился Божьему промыслению, так и не наступило. Но не совсем хорошо все вышло.

Авраам забыл сказать Сарре, когда они собирались на чужбину, что от египтян в то время нельзя было ожидать джентльменского отношения к женщинам-чужестранкам. Авраам тянет до того момента, пока они не оказываются на египетской границе, и только тогда оборачивается к жене и говорит: "Послушай, дорогая, нельзя ли тебя попросить сделать мне одно маленькое одолжение?" (**Быт. 12:11-13**). И он объясняет, что, скорее всего, должно с ними случиться в Египте.

Египетские мужчины только глянут на Сарру и сразу же начнут ее "вожделеть". А по египетским обычаям, если "вождедлешь", ухаживать нечего. Никто Сарру не будет приглашать ни на какие свидания, никто не будет с ней сидеть на крыльчке и, вздыхая, любоваться закатом, никто не собирается просить у ее отца руки его дочери. Ее просто

возьмут – и все. В то время были гаремы, в которых мужчины держали женщин, как скакунов на конюшне. Сарра могла бы ожидать судьба легко предсказуемая – ее бы себе "присвоил" для домашнего пользования тот, кто первым бы положил на нее глаз... и руку. Тот, кто был бы сильнее других. Тот, кто смог бы убедить других претендентов на прекрасную чужеземку заткнуться и молчать в тряпочку.

Но поскольку считалось, что женщина принадлежит ее мужу, если бы египтяне сообразили, что Сарра замужем, они бы постарались убрать с горизонта Авраама. В гарем замужнюю женщину брать было нельзя. И, учитывая, что Авраам был иностранцем, а в то время "иностранец" и "не жилец" понятия были весьма близкие по смыслу, у Авраама были очень даже веские основания рассчитывать на то, что египтяне его без особого шума прикончат. Ведь так же проще всего, е-мое!

И вот подъезжают они к знаку "Добро пожаловать в Египет!", и Авраам говорит: "Нужно, чтоб ты сказала, что ты моя сестра". В принципе, так сказать было не совсем чтоб и соврать. Это не то чтоб неправда была, а полуправда. Ведь у Авраама и Сарры отец-то был один. Сарра была единокровная сестра Аврааму, они просто родились от разных матерей. Сегодня это немыслимо, но на заре истории человечества такое было очень даже запросто. Людей-то было куда меньше, и жили они небольшими компаниями, так что без кровосмешения часто род человеческий в отдельных краях мог и прекратиться. Но и генофонд тогда был почище, чем сегодня. Люди жили раза в два дольше, чем мы – Сарра умерла в 127 лет, а Авраам дожил до 175. Тут вам, может, и объяснение, как это Сарра могла так соблазнительно выглядеть в 65 лет (именно столько ей и было на момент прибытия в Египет).

Но, как бы там ни было, лишь через четыреста лет Бог наконец запретит сестрам выходить за братьев и братьям жениться на сестрах. А во времена Авраама и Сарры это было без проблем. Так что Авраам жене предлагает: "Давай-ка попробуем так. Давай ты будешь сестрой, а не женой, чтоб мне глотку не перерезали. Тебя-то они и так, и так могут взять и сделать с тобой, что захотят, так хоть я живой останусь".

Что было Сарре на это говорить? Может, она могла бы вцепиться подлому мужу в лицо и выцарапать его бесстыжие глаза, но... читая про те времена, как-то убеждаешься, что вряд ли бы она на такое осмелилась. Женщины были тогда

объектами, а не субъектами. Мне очень хотелось бы знать, о чем тогда подумала Сарра. Из исторических свидетельств об обычаях того времени можно сделать вывод, что у Сарры не было интимной близости ни с кем, кроме Авраама. И ей, конечно же, было очень "не по себе", когда она думала-гадала, как с ней обойдутся эти головорезы-чужестранцы.

И женщине-то *65 лет!* Вряд ли у кого-то из нас поднялась бы рука, чтобы бросить в нее камень, если бы она себе сказала: "Да что ж это такое, в конце-то концов! Я же не девочка! Неужели я заслужила на старости лет такие приключения!"

Но у нее есть дар. Есть эта чарующая красота. Возможно, даже с учетом того, что в то время люди жили вдвое дольше, она выглядела еще моложе, еще свежее, и никто не давал ей ее лет. Вроде бы так получается, если судить по историческому контексту.

Итак, приходят они в Египет, и о неписаной красоте Сарры не просто слухи идут по всему Египту, но и до самого дворца фараона доходит весть, что в их край прибыла невиданная красавица. Когда слуги фараоновы запеленговали эту красавицу, они поняли, что ей место в царском гареме. Других вариантов просто не было. Если в Египте объявилась такая красотка и они бы про это узнали, но *не* доставили ее фараону, то головы их очень скоро слетели бы с плеч долой!

Так уж у них было заведено. За Саррой захлопываются двери гарема фараона. Мы не знаем всего, что с ней там было. Мы знаем только, что фараон, его же словами говоря, "взял было ее себе в жену". Ему, судя по всему, Сарра очень даже пришлась по вкусу. Библейское историческое повествование гласит, что "**ради ее**" фараон очень хорошо относился к Аврааму (**Быт. 12:16**): то ли подарил ему, то ли дал ему возможность приобрести много чего в хозяйстве весьма полезного: овец, скота, верблюдов, ослов, рабов и рабынь. Авраам очень сильно "поднялся", когда отдал жену в аренду фараону.

И кто знает, как долго бы это могло продолжаться, если бы не Бог. Бог был этому очень даже не рад. Как Он мог благословить то, через что приходилось пройти Сарре? Не эту судьбу Он для нее приготовил. Как Он мог благословить то, что происходило с Авраамом? Авраам стриг купоны со страданий своей жены, с насилия, которому она подвергалась. Да и началось-то ведь все с того, что Авраам сначала не поверил, что Бог пошлет ему пропитание в пустыне Негев, а потом не

поверил, что Он его сохранит в Египте. Что-то нужно было делать.

И Бог сделал. Он вмешался в ход событий. Он снял Свою опеку и охрану с фараона, его семьи и царедворцев. Пошли болезни, люди на работу не могли ходить... Народ болел все пуще, и некоторые так мучились, что просили себе смерти. Некоторые историки считают, что это были "казни", подобные казням египетским, которые Бог наслал на Египет через несколько веков, во времена Моисея.

И вот наконец до фараона дошло, что и почему случилось. Может быть, Бог обратился к нему напрямую, я вам этого точно не скажу. Может, он искал причину методом исключения. Но, как бы там ни было, наконец его осенило, и сказано в 12-й главе книги Бытие:

18 И призвал фараон Авраама и сказал: "Что ты это сделал со мною? Для чего не сказал мне, что она жена твоя?"

19 Для чего ты сказал: "Она сестра моя?", и я взял было ее себе в жену. И теперь вот жена твоя; возьми и пойди".

20 И дал о нем фараон повеление людям, и проводили его, и жену его, и все, что у него было.

Нам ничего не сказано в описании этих событий о том, как себя чувствовала Сарра, когда вышла из дворца свободной женщиной и ее передали мужу, который ее так просто отдал другому. Известно нам только, что она к мужу вернулась. Никаких диалогов между ними нам не оставлено. Никаких хоть бы даже намеков на то, как к ней теперь Авраам относился. Пришлось ли им снова "притираться" друг ко другу? Стыдно ли было Аврааму? Стали ли они друг другу чужими? Был ли страх? Была ли боль? Были ли слезы? Она спасла ему жизнь. А он кучу денег заработал. Вот об этом в Библии сказано ясно. Авраам не только много добра приобрел, но еще и коммерцией занимался очень активно, поэтому у него был не только скот, но и наличные завелись -- серебро с золотом. **"И был Аврам очень богат скотом, и серебром, и золотом" (Быт. 13:2).**

Я очень бы вас хотел порадовать и сказать, что деньги помогли Аврааму и Сарре решить все их проблемы. Но никак они им не помогли. В этом браке уже кое-что так срослось и затвердело, что сломать эти наросты и затверделости было не просто. Пустила корни в семье Авраама привычка не доверять Богу. Появился прецедент – братья за все самому, а не ждать, пока Бог исполнит Свое обещание. Завелось обыкновение

говорить полуправду, находить формальные "закавыки". Если на все это глянуть сразу, одним взглядом, то можно и словом тоже одним назвать – "химичить".

Может быть, Сарра, глядя на мужа в пустыне Негев и следуя за ним в Египет, тоже потихоньку училась искусству манипуляции, подтасовки. Теперь, когда у нее впереди старость (ей к тому времени набежало 75 лет, а ребенка и не предвиделось и наследника у мужа не было, что в то время было самой настоящей, без всякого преувеличения, трагедией), Сарра видит, что Бог вроде никак не может исполнить Своего обещания родить от Авраама целый народ потомков, которые запрудят всю их "землю обетованную"... и решает тоже пуститься на манипуляции, махинации, подтасовки.

И вот что она сделала. По всей видимости, именно в Египте в семействе Авраама появилась служанка по имени Агарь. В те времена считалось, что, чем больше семья, тем она лучше, почетнее и "круче", и потому служанку часто брали в наложницы, чтобы она "выходила на замену", как запасной игрок, если у жены были проблемы с деторождаемостью.

Для нас с вами наложницы – это так же дико, как и кровосмесительные браки между братьями и сестрами. Но тут нужно понять, что мы смотрим в далекое прошлое, и прошлое не только историко-этнографическое, но и теологическое. Бог иначе тогда вел дела с людьми. У Авраама не было Библии и не было церкви. Так что ни Писание ему нельзя было почитать, ни в собрание сходить. Не было у него того Нового Завета, который есть у нас с вами. Но даже и Ветхого Завета у него тоже не было! Ни истории народа Божьего за плечами, ни храма, ни вождей духовных. Все, что у него было, это то, что он лично слышал От Бога.

Дальше по ходу истории человечества Бог приоткрывал людям из Своего замысла все больше и больше. Но всегда спрашивал с них только за ту истину, которая им была явлена. Во дни Авраама практически никакого откровения у людей не было – свет еще не воссиял и не озарил им путь. Дело не в том, что кровосмешение – дело хорошее, или от гаремов человеку одна только польза и никакого вреда, или что Богу очень нравилась задумка с наложницами. Дело в том, что Бог был готов людей любить и творить в них и через них Свое дело несмотря на их невежество и дикость – и это, к счастью для нас, осталось неизменным и сегодня.

* * *

Итак, Сарра мыслит категориями своего времени и народа, и понимает, что глава семьи может рожать детей от служанок, и эти дети будут считаться полноправными детьми как хозяина, так и хозяйки. Когда дело доходило до дележа наследства, любые дети, которые рождались у служанки, имели равные права с детьми хозяйки, "настоящей" жены. Единственное исключение допускалось в том случае, если хозяин сознательно, преднамеренно решал НЕ признавать сына служанки.

И вот Сарра говорит Аврааму: "А у нас же тут под ногами наша египтяночка, Агарь, путается без дела". Почему Сарра выбрала из всех служанок в семейном хозяйстве именно Агарь? Легко могу себе представить, что они были почти подруги. Агарь у нее была любимая служанка. Она готова послужить хозяевам всем, чем только можно. Они с Саррой беседуют, как родные сестры или как мать с дочерью. Тут уже не отношения хозяйки и служанки, тут самая настоящая дружба. Сарра ценит и уважает Агарь. Она ее любит.

И вот Сарра говорит: "Давай-ка "Агарью поможем Богу" – пусть через нее сбудется обетование". Сарра все очень хорошо продумала. Она Бога берет себе в союзники (**Быт. 16:2**). По сути она говорит: "Это дело Божье. Если бы Бог хотел, чтобы у меня был ребенок, Он бы это сделал. Но Он не сделал. Мы уже, Авраам, десять лет в этой земле обетованной! Наверно, все-таки, у Бога что-то другое на уме, а?"

И долго убеждать ей Авраама не пришлось. Ему уже 86 лет, но он готов стать отцом и легко поддается уговорам. Мы могли бы долго спорить, прилично было в те времена иметь нескольких сексуальных партнеров или нет. Но из исторического библейского повествования ясно, что в семье Авраама инициатором такого сожителства был не Бог. Это Сарра взяла фальстарт. Это она не поверила в обетование Божье. Это она не доверилась Богу, усомнилась, что Он, когда нужно, все даст. Это она подтасовывала все так, как виделось ей, чтобы добиться того, чего хотелось ей. Это она искала лазеек, зацепок. Сарра смотрит на Агарь и говорит: "**Может быть, я буду иметь детей от нее**" (**Быт. 16:2**). Бог мне не помогает, но, возможно, если я возьму все в свои руки, то что-то и получится.

* * *

Я очень бы вам хотел сообщить, что все получилось просто замечательно. Что никаких серьезных последствий для

Авраама после того, как он не поверил в обетование Божье и не доверился Божьему промыслению, так и не наступило. Но они наступили. Закон непреднамеренных побочных эффектов захватил Авраама и Сарру в свой водоворот... и все кончилось плохо.

Агарь, как и было задумано, забеременела, но чуть ли не сразу вслед за этим начались и проблемы. Как только Агарь поняла, что носит под сердцем ребенка, она стала будто другим человеком. Раньше она была любимая служанка – верная и преданная, которую одну Сарра считала достойной великой чести – продолжить род Авраама. Теперь Агарь начинает Сарру презирать. Ни во что хозяйку свою она не ставит. Могу себе представить, как она вела себя с Саррой. Может, она уходила в себя и не обращала на нее внимания. Может, огрызалась в ответ на замечания. Может, перемывала Саррины косточки с другими служанками. И всякий раз, когда Агарь появлялась там, где была Сарра, в жарком палестинском климате будто включали кондиционер и всех обдувало ледяным ветерком. Короче, рвала Агарь Сарре сердце на части.

И наверно, никак нельзя было тут без того, чтобы между Авраамом и Саррой не вспыхнул серьезный конфликт. Сарра набрасывается на Авраама и обвиняет во всех своих бедах его. **"В обиде моей ты виновен, – говорит она ему, – я отдала служанку мою в недра твои; а она, увидев, что зачала, стала презирать меня; Господь пусть будет судьей между мною и между тобою"** (Быт. 16:5).

Авраам умывает руки – ему меньше всего на свете охота ввязываться в разборки одной женщины с другой. "Делай с ней все, что пожелаешь, – фактически говорит он (Быт. 16:6). – Сама придумала, сама и разбирайся. А я тут ни при чем, совсем я ни при чем".

Хотелось бы мне вас порадовать и сказать, что Сарра хотя бы тут поступила достойно, села рядом с Агарью и сказала ей: "Дорогая моя, я извиняюсь. Ну не получается у нас ничего". Но Сарра считала себя незаслуженно обиженной и только о своей обиде и думала. Она считала, что ее оскорбили, и, кроме как об оскорблении, ни о чем другом и не помышляла. Так что кипел ее разум возмущенный, и одно только в кипящем этом разуме варилось – месть. В Писании сказано, что она так стала издеваться над Агарью, что беременная девушка решила убежать из дома. И вернулась она назад единственно только потому, что в пустыне ей явился Бог и прямо приказал прийти

назад к Сарре, подчиниться ей и больше не провоцировать. Но даже когда Агарь вернулась, все равно было, наверно, плохо. Ей было плохо, Сарре, Аврааму – короче, всем.

Но у Агари родился ребенок. И это был мальчик. Авраам назвал его Измаилом. И мальчик стал расти.

* * *

Прошло тринадцать лет. Измаилу – 13, Сарре – 89, Аврааму – 99. И тут Бог прерывает молчание (**Быт. 17**). Он является Аврааму и напоминает ему об обетовании, данном прежде – о том, что Он сделает Авраама отцом не одного ребенка, но целых народов и что у Авраама будет бесчисленное множество потомков, которые овладеют землей обетованной от Нила до Евфрата.

И в ответ на это Авраам может только рассмеяться. **"И пал Авраам на лице свое, и рассмеялся, и сказал сам в себе: "Неужели от столетнего будет сын? И Сарра, девятилетняя, неужели родит?" (Быт. 17:17)**

Авраам смеется Богу в лицо! Фактически он предлагает Богу использовать в целях исполнения обетования Измаила – ведь так же проще, намного проще! Но Бог отвечает Аврааму, чтобы тот насчет Измаила не беспокоился, что Измаил свои благословения получит, но при всем при том Бог все равно исполнит то, что обещал, и так, как обещал.

"Именно Сарра, жена твоя, родит тебе сына, и ты наречешь ему имя: Исаак... Завет Мой поставлю с Исааком, которого родит тебе Сарра в сие самое время на другой год" (Быт. 17:19, 21).

Вскоре после этого Бог подтверждает свое обещание еще раз. На этот раз Он это делает в присутствии Сарры. Как реагирует на такие слова она? А она реагирует в соответствии с тем, что видела и слышала в жизни, чему научилась. Она, как Авраам... смеется!

Она в шатре, ее вроде как не видно, но разговор она слышит и посмеивается сама себе, приговаривая: **"Мне ли, когда я состарилась, иметь сие утешение?" (Быт. 18:12).**

И Бог тогда говорит Аврааму: "Отчего это рассмеялась Сарра?" **"Есть ли что трудное для Господа? В назначенный срок буду Я у тебя в следующем году, и у Сарры будет сын" (Быт. 18:14).**

Сарра понимает, что совершила ошибку. Ей страшно. И что она делает со своим страхом? Что же она видела? Чему научилась с той самой первой записанной для нас беседы с

Авраамом, когда муж учил ее врать? И Авраам, и Сарра уже давно отвечали на всякие страхи ложью, ложь стала для них первым средством самообороны без оружия.

И Сарра врет. **"Я не смеялась"**, – говорит она (**Быт. 18:15**).

Но Бог на этот раз ловит Сарру "на горячем". **"Нет, ты рассмеялась"**, – говорит Он.

Сделала-то она точно то же самое, что и Авраам, но, в отличие от него, пыталась это скрыть. Пыталась подтасовать факты. За что и получила выговор с занесением в личное дело.

* * *

Хотелось бы мне вам сказать, что дальше все у них пошло хорошо и жили они долго и счастливо. Но в тот же год пришлось семье снова переезжать на новое место. Какое-то время они прожили в Гераре, где царем был Авимелех. Прошло уже 25 лет с тех пор, как Авраам и Сарра побывали в Египте, но с некоторыми старыми своими проблемами Авраам так и не разобрался. И опять он начинает всех убеждать, что Сарра ему всего-навсего сестра, и не более того. И Сарра никак открыто против этого не возражает. Ну, и что бы вы думали? Конечно же, хоть ей уже и 90 лет стукнуло, царь посылает за Саррой и забирает ее в свой гарем.

Но опять на этом дело не кончается. На этот раз не казни египетские обрушиваются на дом Авимелеха, как было с фараоном, а бесплодие. Бог "заключает", то есть закрывает "всякое чрево" в доме Авимелеха – и жены его, и рабынь его. У Авимелеха деторождение, судя по всему, было поставлено на конвейер. Женщины его дворца (а кто знает, сколько их там было десятков или даже сотен) беременели и рожали детей одна за другой. И вот вдруг ни с того ни с сего, безо всякого предупреждения все прекращается. Никто больше не беременеет. И, ясное дело, никто уже никого не рождает.

Могу себе представить, что царь сначала ничего не может понять, потом начинает слегка волноваться, а потом бьет тревогу. Но он человек добрый и великодушный, и Бог его удерживает от необдуманных шагов. Сначала Бог делает так, чтобы царь воздержался от вступления с Саррой в интимные отношения. Потом Он является Авимелеху во сне и открывает ему, что у Сарры есть муж.

Царь в ужасе. Назавтра утром он приказывает доставить к нему Авраама и спрашивает у него: "Что же я тебе такого сделал, что ты решил со мной так подло поступить?"

Авраам пытается отговариваться тем, что Сарра и правда ему не только жена, но и сестра, поскольку у них один отец, но Авимелех все прекрасно понимает. Он отдает Сарру назад Аврааму, отваливает тому кучу всякого добра в качестве компенсации за моральный ущерб (овец, скота, рабов) и дает семье Авраама ключи от своего царства: свободу жить в Гераре там, где Аврааму заблагорассудится. И сразу же женщины Авимелеха снова начинают зачинать, а, зачавши, благополучно в свой срок и рожать продолжают, как раньше. Но Сарра-то снова побывала в гареме... и Авраам снова на этом неплохо нагрел руки.

* * *

Хотел бы я вам сказать, что потом был "хеппи-энд". Что Сарра наконец-то обратилась к Богу и стала другим человеком – примером благородства и праведности. Но этого не случилось... даже когда Бог все Свои обетования исполнил слово в слово.

Аврааму было 100 лет, Сарре 90... и тут у них родился Исаак. "Исаак" значит "смех", и такое имя сыну Авраама и Сарры дал Бог. Сарра понимала, насколько это смешно выглядело... и звучало. **"Смех сделал мне Бог, – говорила она (тот глухой смех, которым она смеялась когда-то, сменился смехом радости). – Кто ни услышит обо мне, рассмеется"** (Быт. 21:6).

Может, они бы и могли зажить большой счастливой семьей, не знаю... но в действительности все вышло иначе. Когда Исааку было годика три, Авраам устроил в его честь большой пир. И вот на этом пиру Измаил (которому тогда было уже лет семнадцать) вел себя нехорошо, некорректно. Сарра обиделась. Может, правда, она просто нашла повод, на который можно было обидеться. Может, она просто искала, за что бы это ей на Измаила обидеться. Понятно нам лишь одно – что вся история с Агарью занозой сидела в сердце у Сарры, и заноза эта ныла.

Мы можем только гадать, что чувствовала Сарра, когда смотрела на Агарь. *Знаем* же мы опять же только одно – что теперь Сарра Агарь называла "эта рабыня". Мы можем только гадать, что чувствовала Сарра, когда смотрела на молодого Измаила, живое напоминание о ее же задумке, которая пошла наперекосьяк. Теперь это живое напоминание угрожало правам на наследство ее собственного сына. *Знаем* же мы только то, что теперь Сарра была готова раз и навсегда выгнать из дома и

рабыню, и приплод. Выгнать рукой мужа. Чтобы была твердая гарантия, что Авраам своему первенцу наследство не отпишет.

И, хоть у Авраама сердце и рвется на куски, он отсылает прочь Агарь и Измаила. Агарь находит сыну жену со своей родины, египтянку, и больше о ней мы ничего не знаем. Известно нам только, что Исаак с Измаилом встретились лишь один еще раз – на похоронах отца.

* * *

Только когда Сарра наконец в возрасте ста двадцати семи лет умирает, мы можем увидеть общий план всей ее жизни. Мы видим, что красота всего не решает, и секс всего не решает, и замужество всего не решает, и рождение детей всего не решает. Мы видим, что ложь не решает ничего, и правда в конце концов выходит наружу, и если правду до поры до времени скрывать, то потом может быть больней, чем если все сразу сказать как есть.

Мы видим на примере жизни, прожитой Саррой, что Бог Свои обещания выполняет, даже когда мы в них не верим. Даже когда мы устаем ждать их исполнения. Даже когда мы перестаем на Бога надеяться. Мы видим, что даже если мы идем другим путем, Бог все равно готовит для нас Его путь. Мы видим, что Бог делает то, что говорит, что сделает, даже когда мы пускаемся на манипуляции, мистификации и махинации, которые все только запутывают. Мы видим, что Слову Божьему можно доверять даже тогда, когда мы ведем двойную игру, врем и строим козни.

Я сам частенько бывал Саррой, я узнаю ее в себе. На примере Сарры мы видим, как Бог может нас благословлять даже тогда, когда мы этого не заслуживаем. Он нас просто почему-то выбирает и работает с нами до конца. Такая уж у него любовь. Она человека не бросает, пока своего не добьется. Я бывал Саррой, мне это знакомо. На примере Сарры мы видим, как Бог может нас использовать в Своих целях, даже когда мы этого вроде как явно недостойны. Даже когда на нас смотреть противно. Даже когда у нас "злости полные кости". Даже когда мы держим курс против течения Божьего. Я частенько так и жил, я бывал Саррой. Но Бог остается верен Себе. На примере Сарры мы видим, как Бог хранит верность, даже когда мы совсем не туда забредаем, куда нужно. Даже когда мы не учимся на своих ошибках. Даже когда мы фактически отвечаем Богу на Его советы и заповеди тем, что Ему "показываем нос". И такое со мной тоже бывало. Гораздо

чаще, чем мне бы хотелось вспоминать. Я бывал Саррой, может быть, даже больше, чем сама Сарра ей бывала! Но Бог оставался верен Себе.

Но когда я смотрю на жизнь этой выдающейся женщины, самым, пожалуй, важным в этой жизни считаю, что даже тот, кто раз за разом подвергался унижениям, кого многократно оскорбляли действием и на ком это не могло не сказаться, тот, кто ничего, кроме унижений и оскорблений, можно сказать, не знал, и сам только и делал, что оскорблял и унижал других, тот, глядя на кого сегодняшний психолог мог бы покачать головой и сказать: "Ну, тут нужно человеком всю оставшуюся жизнь заниматься вплотную..." – даже человек в таком безнадежном вроде состоянии может в Царстве Божьем быть поставлен на самое почетное место.

Бог посмотрел на Сарру давным-давно и сказал: **"Благословлю ее, и произойдут от нее народы, и цари народов произойдут от нее"** (Быт. 17:16). Бог не сказал: "Ну, если она сможет покончить со своими этими заморочками, если бросит маяться дурью, то, может, она Мне на что и сгодится". Нет. Он для нее приготовил почетное место. Когда она умерла в Хевроне, Авраам ее оплакивал и рыдал по ней, а еще потратил целых 400 сиклей серебра (почти пять килограммов), огромную сумму денег, на то, чтобы устроить ей достойное место погребения. Он не сказал: "Ну, такая уж у нее была жизнь – мучилась бедняга и просвета не видела". Нет. Он для нее приготовил почетное место.

А в книге **Исаии (Ис. 51:1-3)**, когда Бог говорит о тех, кто стремится к правде, о людях, которые себя отдают на то, чтобы искать, чего хочет от них Бог, и в соответствии с этим и жить, на кого Он показывает? Он говорит: **"Посмотрите на Авраама... и на Сарру..."** "Вот вам пример, свидетельство, – говорит Он, – того, как Я буду поступать с вами. Вы будете "лежать в развалинах", а Я на вас посмотрю с состраданием. Ваша жизнь будет пустыня пустыней, а Я ее орошу и озеленю. Ваши пустоши станут цветущими садами. Люди будут встречать вас и в вас находить "радость и веселие", "славословие и песнопение".

Что обещал вам Бог? Что Он взялся для вас совершить? Как минимум, я знаю, Он обещал вас любить, и заботиться о вас, и давать вам по нуждам вашим. А может быть, Он что-то вашему сердцу когда-то сказал и о каких-то более конкретных делах. Что-то насчет здоровья? Ваших с кем-то отношений?

Вашей карьеры? Ваших финансов? Ну и как ваша надежда, не погасла? Горит ярким пламенем, как и прежде? Поговорите обо всем с Богом. Только честно. Скажите Ему, что у вас на сердце. Вам не нужно ничего скрывать. Вы можете горько смеяться в лицо Богу, вы можете жаловаться, что исполнения Его обетований не дожидаться, что методы Он выбирает какие-то не те, что надо, на все можете жаловаться... и Он все равно будет вас любить. Все равно будет вам посылать все, что нужно. Все равно благословлять вас будет. Все равно будет вас употреблять в Своих великих делах. Все равно будет из вас творить то, что сотворить твердо намерен. Ваше место в семье Божьей за вами "забито" надежно.

Сарру то кто-то мучил, то она кого-то мучила. Когда она поступала так, как хотелось ей, от этого было больно и ей, и другим. Много боли и обид она за свою жизнь людям причинила. Но что бы она ни сделала, это не могло помешать Богу сделать в ней то, что хотел Бог, а через нее многое совершить и в других. Ведь Бог твердо решил действовать через Сарру. И не передумал.

Иногда кто-то мучит меня, иногда кого-то мучаю я. Когда я поступаю так, как хочется мне, от этого бывает больно и мне, и людям. Много боли и обид за свою жизнь я причинил людям. Но чего бы я ни наделал, это не может помешать Богу сделать во мне то, чего хотел Бог, а через меня многое совершить и в других. Ведь Бог твердо решил действовать через меня. И не передумал.

Конечно, было бы просто замечательно, если бы Сарра могла каких-то своих трагедий избежать, какие-то ловушки обойти. Нам бы тоже было неплохо не вляпаться в свои ловушки, обойти десятой дорогой свои трагедии. Но почетное место, вам предназначенное, не зависит от того, какой вы хороший, какой мудрый человек, как вы умеете учиться на собственных ошибках и рушить стереотипы и привычки, которые вас губят... точно так же, как не зависело от этого почетное место Сарры. Зависит оно только от любви Божьей. И дай вам Бог такой "зависимости"!

2

ВОВРЕМЯ ПОПАСТЬ ПОД ДОЖДЬ

Хочу вас познакомить еще с парочкой отчаявшихся домохозяек (**Суд. 4, 5**). Жили они примерно три тысячи лет тому назад в древнем Израиле, и звали их Девора и Иаиль. Сначала познакомимся с Деворой, а чуть попозже с Иаилью.

"Девора" значит "пчела". У Деворы был муж, и звали его Лапидоф, что означает "факел, пламя". Вспыльчивый, возможно, был мужчина. Если бы Девора взяла, как это принято сейчас у нас, фамилию мужа, мы бы ее сегодня знали как "Дебби Вспышкина".

Думаю, можно смело сказать, что у Деворы была самая необычная должность из всех израильских женщин. Она была начальницей! На тот момент в Израиле уже давно не было вождя. В исторических библейских описаниях сказано, что все делали то, что им "казалось справедливым" (**Суд. 17:6**). Чаще всего это срабатывало, но когда мнения расходились до такой степени, что к общему знаменателю приводиться никак не хотели, нужен был какой-то высший авторитет, который бы сказал – и все сделали. Поэтому Моисей (**Исх. 18:17-26**) учредил систему судей, и многие годы после смерти Моисея в Израиле всегда был главный судья. Именно по этой причине в Ветхом Завете и есть книга Судей. В ней изложена история народа израильского тех времен, рассказано, как через людей говорил и действовал Бог.

Девора была пятым по счету судьей из правивших Израилем и единственной из них женщиной. Мы знаем, что положение у женщин в то время было незавидное, второстепенное, и потому, чтобы женщина стала судьей надо всем Израилем, было просто невероятно. Но она судьей стала.

И мне нравится ее стиль "судейства". Никаких офисов у нее не было, никого из своих избирателей согласовать встречу с секретарем она не просила. Жила Девора в гористой

местности к северу от Иерусалима, и принимала просителей и посетителей под большой пальмой, которую стали называть Пальма Деворина. И люди приходили туда, чтобы Девора помогла им решить их споры, ссоры и тяжбы (**Суд. 4:5**).

Хотя, с другой стороны, нельзя с уверенностью сказать, что Деворе вовсе не хотелось устроить себе офис в центре Иерусалима. Но дело было в том, что в те годы народ израильский старался быть тише воды, ниже травы. Не самое хорошее, не самое спокойное время это было для Израиля. Не было у народа тогда свободы. Народ изнывал под игом очень нехорошего человека, царя ханаанского, о котором мы только и знаем, что звали его Иавин. Неизвестно, было ли это его собственное, персональное имя, или иавинами называли тогда всех царей ханаанских. Но, как бы там ни было, мы знаем, что держал он Израиль в ежовых рукавицах. Судя по всему, очень он не любил евреев, очень большой зуб против них имел.

Вы помните, что после смерти Моисея верховным судьей Израиля стал Иисус Навин. И во время Иисуса Навина царь ханаанский (которого тоже называли Иавином) пошел войной на Израиля. Но Иисус со своим войском его победил, они перебили всех воинов Иавина, казнили его самого и сожгли дотла город Иавина – Асор (**Иис. Нав. 11:10, 11**). При Иисусе Навине дела у израильтян шли неплохо. Они верно служили Богу, Бог их защищал от врагов (недостатка в которых не имелось) – и народ процветал.

Но когда Иисус Навин умер, израильтяне вроде как расслабились. Это типа как в класс во время урока заходит директор и садится на последнюю парту. Ты ведешь себя тогда лучше некуда, пошевелиться боишься, "я лучший ученик среди ребят"... а потом директор уходит, и ты расслабляешься, понимаешь, что теперь можно вздохнуть свободно! Или на праздники к вам приезжают родители и вы стараетесь не слишком орать на детей, потому что бабушка и дедушка могут чего и подумать. Но потом, когда бабушке и дедушке вы делаете ручкой и они благополучно отбывают домой... то есть домой, вы злорадно говорите: "Подойди-ка сюда, моя крошка. Вот теперь-то ты мне за все ответишь!" Вот так вот!

Что-то похожее происходило и с народом израильским (**Суд. 2**), только вот ставки тут были повыше. Ситуация была намного серьезнее. Пока был жив судья, народ жил по-божески, но когда судья умирал, все дружно сходили (кто куда) с пути истинного. Не было больше судьи, никто больше никому

ничего не напоминал, никого ничему не учил, никого ни о чем не предупреждал. Вот народ и начинал заниматься излишествами всякими нехорошими, которые Бог ему строго-настрого запрещал. Внимание народа рассеивалось, начинало блуждать где не попадя и попадаться в сети плотских утех и непристойных потех.

Потом люди начинали ощущать на себе последствия всего того, что Бог им запрещал, потому что очень их любил. И кончалось все тем, что народ так ослабевал, что становился легкой жертвой очередного иноплеменного поработителя. И тогда небо казалось израильтянам с овчинку, и они в отчаянии зывали к Богу... и Бог наконец посылал им избавление. Нового судью. Героя-полководца. Праведного и богобоязненного вождя, который указывал народу путь назад, к Богу. Израиль освобождался от ига, ликовал и радовался, снова начинал жить по-божески... а потом судья опять умирал и весь цикл повторялся снова.

И такое повторялось с народом Израилевым раз за разом. Очень бы мне хотелось, чтобы можно было покачать головой и помахать пальцем на древних, неразумных израильтян за такую глупость несусветную... но мы-то каждый живем точно так же. Разницы никакой. Я всю свою жизнь катаюсь на этих "американских горках" – то вверх, то вниз. То вроде где-то что-то у меня получается так, как хочет Бог, скажем, держу я в узде свои эмоции, правильно разруливаю конфликты или что-то еще делаю как положено, короче, живу в чем-то какое-то время по-божески. А потом то ли лень на меня нападает, то ли охота становится дать себе послабление, немного подзабыть о Боге – и все начинает довольно скоро идти наперекосяк, проблемы прут косяком, я мучаюсь сам и мучаю других, мне стыдно и совестно, я плачу и умоляю Бога о прощении и милости, и Он мне помогает снова вернуться на путь истинный. Аллилуйя! Потом я опять какое-то время иду туда, куда ведет меня Бог, снова все стараюсь делать правильно, а неправильного не делать, а потом опять потихоньку расслабляюсь... и все идет по кругу!

Как-то я набрался смелости и пошел к служителю-душепопечителю. Совсем я запутался и не мог понять, в чем дело, как распутаться. Душепопечитель меня обо всем расспросил, пропустил через разные тесты, изучил, как свинку морскую, и нарисовал мне мою жизнь в виде линии на графике. Линия получилась волнами: вверх, вниз, вверх, вниз.

Тогда служитель сказал: "Даг, вот график твоего поведения. Вот здесь, в верхней точке, ты сам себе нравишься и кажешься непобедимым. А потом ты грешишь, потом тебе стыдно, ты раскаиваешься и начинаешь потихоньку из греха выползать. И так ты жил всю свою жизнь. Единственная проблема в том, что такой образ жизни без последствий просто не бывает. А последствие тут самое главное такое, что с каждым разом, когда ты погружаешься в яму раскаяния, ты все меньше и меньше чувствуешь боль, душа твоя черствеет. И чтобы вернуться на прежний уровень раскаяния, подняться в верхнюю точку кривой, тебе нужно падение посерьезней, грех "погрешней". И так ты будешь опускаться, пока не будешь уже больше чувствовать вообще никакого стыда и совсем себя не погубишь".

Мне нужно было этот цикл прервать. Нужно было, чтобы кто-то мог меня проверить, мог с меня спросить, мог меня подстегнуть, вдохновить на то, чтобы я рвался не от Бога, а к Богу. Мне нужен был судья, который стал бы у кормила власти моего личного, "частного" Израиля.

Через то же самое проходил и народ израильский. На протяжении многих веков он раз за разом срывался на жизнь безбожную, языческую, все дальше и дальше уходя от Бога... и так оно и вправду было, что для возвращения на пути праведные всякий раз нужны были потрясения все серьезнее. И чтобы из беды народ вытащить, тоже всякий раз приходилось прибегать к мерам все более и более радикальным!

Во времена Деворы Израиль был в нижней точке цикла. Народ совсем отвернулся от Бога, и тогда с севера пришел Иавин и покорила их своей власти, от которой израильтянам стало очень тяжело. Иавин был лидер политический. А войском его командовал человек по имени Сисара. У Сисары было огромное, просто подавляющее преимущество над Израилем – в его войске было девятьсот железных колесниц. От такой техники Израиль никак не мог защититься. Колесницу не прострелишь, не пробьешь копьем, не разрубишь мечом – нечего даже и пробовать.

А за каждой колесницей шли как минимум воинов сто. Специалисты по военному делу прикидывают, что 900 железных колесниц – это почти то же самое, что стотысячное войско. Мощь невероятная.

И к тому же, эти военные силы у Сисары были отнюдь не миротворческие. Жестокий был вояка этот Сисара. Он твердо

был намерен душисть Израиль, держать в узде его народ и делать все, от него зависящее, чтобы счастливой жизнью у израильтян и не пахло. Израильтяне не могли ходить и ездить по главным дорогам. Им приходилось тайком пробираться закоулками, чтобы не попасться врагу. Ни каравана они собрать не могли, ни торговать, ни бизнесом свободно никаким заниматься. Нельзя было даже просто жить спокойно – в шатрах-то на равнине не поселишься, потому что хананеи постоянно совершали набеги на эти израильские равнины. Оружие у них или вообще отбирали все под ноль, или по какому-то договору разрешали какой-то минимум иметь. Как бы там ни было, на сорок тысяч израильских мужчин приходился один щит и одно копьё. Люди жили в страхе и в подполье.

Так прошло двадцать лет. Израильтяне умоляли Бога, чтобы Он их помиловал, простил и послал им избавление от угнетателей. И вот наступил день, когда Бог сказал: "Ладно. Хватит. Я покажу вам выход из тупика".

Именно так Бог действовал и со мной в наше время, в моей судьбе. Я забредал туда, где была не жизнь, а ужас один, и мне казалось, что так будет всегда, но потом Бог мне посылал перемены. Оказывается, Он от меня никогда не отказывался, не отрекался. История моя не была дописана до конца. Меня ждала следующая глава. Жизнь, как я к своему удивлению обнаруживал, все-таки текла вперед!

Но для того, чтобы изменилась моя ситуация, нужно было, чтобы изменилось что-то *во мне*. Израильтяне обнаружили, что было мало просто изменить свое отношение к происходившему. Они раскаивались вовсю, они опять ждали избавления только от одного Бога, они признавали, что без Бога они ничто, они были сама покорность и смирение... но даже этого всего в таких случаях маловато будет. Бог призывал израильтян *действовать*.

Когда я прошу Бога, чтобы Он мне помог, когда я свою кривую душу выпрямляю так, что Бог наконец может во мне что-то делать, Он обычно не взмахивает никакой волшебной палочкой и ситуация не меняется в мгновение ока. Он призывает меня что-то делать. ***Он советует и требует, чтобы я ДЕЛАЛ все не так, как делал до того.*** Он проводит меня через целый процесс, без которого не изменится моя ситуация и без которого я не научусь тому, чему мне нужно

научиться. Я гораздо лучше запоминаю то, что *делаю*, чем то, что просто *наблюдаю*!

* * *

Бог знает, что если от меня только то и требуется, что "переключить свое отношение", то я буду щелкать "переключателем отношения" каждый день... но если я пророю какие-то новые борозды поведения, стереотипов, привычек и научусь иначе жить, то избавление мое от старого и вредного продержится дольше. Я полнее, надежнее освобожусь от того, от чего нужно освободиться.

Но не всегда то, к чему меня призывает Бог, сделать легко. Более того, не всегда оно даже кажется логично.

Именно так оно все и было, когда Бог призвал Израиль к действию при Деворе. В то время в Израиле жил один человек, которого звали "Молния", или на том языке, на котором тогда говорили, Варак. Сам он был, кстати, с севера, жил, можно сказать, в самом логове врага. И вот Бог кладет на сердце Деворе позвать Варака и изложить ему план битвы. Он должен собрать десять тысяч северян и отправиться к горе Фавор. "Потом, – говорит Бог устами Деворы, – **Я приведу к тебе, к потоку Киссону, Сисару, военачальника Иавинова, и колесницы его и многолюдное войско его, и предам его в руки твои**" (Суд. 4:7).

Был бы я Вараком, мне бы эта математика не понравилась. Значит, считаем. У меня десять тысяч воинов практически без оружия, а у Сисары где-то тысяч сто, да еще с железными колесницами и со всем оружием, которое только в те времена состояло на вооружении. "Эге..." – подумал бы я "сам с собой".

Так подумал и Варак. Потому и сказал Деворе: "Слушай сюда. **Если ты пойдешь со мною, пойду; а если не пойдешь со мною, не пойду**" (Суд. 4:8). Не знаю уж, не испугался ли он, что она его "подставит" и "сделает ноги". А может, он был суеверным и посчитал, что если с ним пойдет дама с помазанием Божьим, то он будет в безопасности. А может, он подумал, что когда придется туго, Бог Деворе подскажет, что делать, а та скажет ему. Может, это была уловка для вербовки войска – Варак понимал, что бойцы куда охотнее пойдут под ружье, если их на призывной пункт будет призывать Девора.

Как бы там ни было, Девора никуда "ноги не делает". Она женщина прагматичная и реалистичная. Ей важен конечный результат. Она хочет, чтобы Варак сделал то, к чему его

призывает Бог, но понимает, что люди далеки от совершенства. Она знает, что ***мы пожинаем благословения покорности водительство Божьему пропорционально степени своего послушания.***

Если я дойду за Богом только до середины, до половины пути, я всей полноты благословений не получу. А кое-что и прямо потеряю. К примеру, если у меня проблема с тем, чтобы всегда говорить правду, а я с Богом пройду путь к тому, чтобы стать человеком, никогда не врущим, всего на 75%, я неизбежно столкнусь с некоторыми последствиями своего "недолета" до цели. Девора знает, что Израиль победит, потому что Бог призвал его в этой войне победить. Но она также знает, что Варак не получит всей славы, если не пойдет на битву со всей верой.

"Пойти пойду с тобою, – говорит Девора, – только не тебе уже будет слава на сем пути, в который ты идешь; но в руки женщины предаст Господь Сисару. И встала Девора и пошла с Вараком в Кедес" (Суд. 4:9). Вам кажется, что она говорит о себе... подождите-ка немного!

Итак, они идут вместе и собирают своих десять тысяч войска, и держат путь на гору Фавор. И конечно же, Сисара слышит, что идет войско и ставит под ружье свою армию с железными колесницами, и сам тоже направляется навстречу.

Израильтяне приходят на Фавор. В долине внизу стоят хананеи. Израильтяне явно и безнадежно проигрывают в смысле экипировки. На стороне Сисары двадцать лет военного господства. Да, на гору колесницей не заедешь, но вечно же на горе израильтяне оставаться не могут. А стоит только Вараку с его войском спуститься вниз, как все будет ясно – их ждет полный разгром.

Но внизу есть еще кое-что: река, поток Киссон. В какие-то месяцы это не больше, чем жалкий ручеечек, о котором и говорить-то не стоит. Но в сезон дождей ручеечек превращается в бурный поток. Он заливает всю долину. Тогда через нее не перейти.

А если воины глянут в небо, то там они увидят еще кое-что, к исходу противостояния прямо относящееся: тучи. Бог приготовил небольшой сюрприз. Небеса разверзлись (см. Суд. 5), и с них хлынули на землю потоки воды. Земля превратилась в липкую массу, в которой намертво увязли колесницы. Поток стал разливаться, лошади перепугались.

Варак стоит на вершине горы и глазам своим не может поверить. Деворе нужно его хорошенько ляпнуть по щекам, чтобы он очнулся, пришел в себя.

"Встань, – говорит она Вараку, – ибо это тот день, в который Господь предаст Сисару в руки твои; Сам Господь пойдет пред тобою" (Суд. 4:14). Когда Бог мне подсказывает, чтобы я что-то в своей жизни выровнял, у Него на тот момент уже готов, проложен путь к моему успеху. И если я пойду этим путем, Он по Нему пройдет передо мной.

Я хотел бы предположить, что дождь в тот день пошел бы независимо от того, отважился бы Варак выступить за свой народ или нет. Если бы Девора не отправилась с Вараком и осталась дома, дождь бы пошел все равно. И поток Киссон разлился бы и залил всю долину независимо от того, заманили бы туда плохишей или нет. Но воспользоваться всеми плодами подготовительной работы Господа Бога Варак и "хорошиши" могли бы только в том случае, если бы оказались там, где эти плоды созревали. Идите за Богом. Вперед, с верой! Смелость должна быть порой и безрассудной.

Девиз моей жены Кристины как фотографа (а она фотограф): "F8-250 и быть на месте". F8-250 – это самая обычная, средне-нейтральная установка фотокамеры, а на 90% секрет рождения фотоседевра состоит в том, чтобы в тот момент, когда шедевр готов родиться, вы были там, где он родится.

Если я борюсь со своей вредной привычкой и Бог мне подсказывает, чтобы я вернулся на Его пути, я могу себя приободрять тем, что дорога для меня там, на путях Божьих, уже проложена. Бог уже собирает тучи к моей грозе. Бог уже готов дать отмашку реке, и та разольется, чтобы подарить мне неожиданный триумф. Но *мне нужно туда прийти*. Мне нужно одолеть свой страх. Мне нужно переломить свой кризис веры, то есть безверия. Я должен двинуться в нужном направлении. Я просто обязан подняться на гору вовремя, чтобы попасть под дождь!

Мне может казаться, что у меня нету нужного оружия, снаряжения, а без него мне никак не сделать того, чего от меня ожидает Бог. Но ведь у Варака-то оружия точно не хватало. Не мечи и не щиты мне нужны. Мне нужно верить, что Бог меня любит, обо мне позаботится и даст мне все необходимое.

Мне может казаться, что я никак не защищен, а без средств самообороны в битву вступать просто нельзя. Я чувствую себя бессильным и беспомощным. Но таким же чувствовал себя и Варак. Мне не железные колесницы нужны. Мне не защитные механизмы, о которых мне люди чего угодно наговорят, нужны. Нужно мне просто поверить, что со мной будет Божья любовь, которая меня через все проведет, обо всем позаботится и даст мне все необходимое.

Я могу перед врагом своим застыть и оцепенеть, глядя ему в лицо. Глядя в лицо своей вредной привычке. Глядя на то, чего у меня не хватает. Слыша те романсы, которые мне поют мои финансы. Читая свой диагноз в медицинской карте. Варясь в котле своего конфликта. Крутясь в вихре семейных беспорядков. Я учусь в школе, и у меня плохие отметки. Я работаю где-то, и мной недоволен начальник.

Может, я сам во всем виноват. А может, я невинная жертва. Но какой бы ни была моя ситуация, в моей долине собирается враг. Храпят и переступают с места на место лошади, закусывая удила. Им не терпится по мне потоптаться. Я слышу лязг мечей, копий и щитов о железные колесницы. Меня ужас берет! Я не могу одолеть эту вредную привычку без какой-то таблетки или еще чего-то, что можно бы принять вовнутрь. Ведь мой организм просто не может разорвать порочный круг! Я не могу и по счетам своим всем платить и жертвовать на церковь – тут арифметика не сходится! Я не могу без паники думать об этой своей болезни. У меня ничего не выйдет с этой женой. С этими родителями. С этими детьми. Я не дотяну до конца этой школьной четверти. Я не переживу завтрашнего "ковра" у шефа.

Разве что если **"Сам Господь пойдет предо мною"**. Он никак не связан премудростью мира сего. Ему дела нет до моих страхов. Он продумал план битвы, в котором предусмотрел и Свое участие в ней. Он пойдет передо мной. Он поведет на поле боя дивизии туч. Он выгонит реку из берегов. Он пошлет прилив вдохновения как раз тогда, когда вдохновение мне понадобится, чтобы порвать с моей привычкой. Как раз когда мне покажется, что мне из долгов не выбраться никогда, я увижу брошенную мне в мою долговую яму лестницу в небо! Когда я буду хоронить себя заживо, оплакивая свой диагноз, Бог пошлет мне надежду именно в тот момент, когда мне она будет нужнее всего. Он приготовил путь, выход из всех тупиков моих конфликтов, моей учебы и моей работы.

Это понимал псалмопевец Давид, когда писал: **"Сзади и спереди Ты объемишь меня, и полагаешь на мне руку Твою"** (Пс. 138:5). Бог не сидит сложа руки и не подсчитывает, на сколько процентов я сам виноват в своих проблемах. Он просто радуется тому, что я полагаюсь на Него... Он в восторге от нашей близости... Ему очень приятно, что я понимаю, насколько Он мне действительно нужен, потому что Он и в самом деле мой лучший друг!

* * *

Закончилась эта история еще диковинней, но в этой диковинности для нас для всех сокрыта очень важная и злободневная мораль. Из этого повествования можно усвоить еще один невероятно ценный урок.

Армия хананеев совершенно ошарашена тем, что на их голову свалились сразу и дождь с неба, и потоки вод из пересохшего ручейка, и толпы евреев с горы Фавор. (Кстати, через много веков, в апреле 1799 года Наполеон на том же самом месте и в такую же самую погоду, с разливом реки, разгромит турецкое войско!) Река разливается так сильно и так стремительно, что часть хананейского войска просто-напросто смывает прочь. Остальные хананеяне не могут в таких условиях управлять своей конницей и колесницами, и Варак с израильтянами их всех берут тепленькими, без шума и пыли.

Спасается только один: Сисара. Он спрыгивает со своей колесницы и бежит пешком, перепуганный до смерти. Курс он держит на север, к Кедесу. Там у него есть друг, которого зовут Хевер. Хевер родом кенейнин, из чего следуют два вывода. Во-первых, он потомок Моисея. Но как-то уж так получилось, что Хевер перешел на другую сторону баррикад и стал подручным Иавина. (В этом слышится ирония судьбы, поскольку имя "Хевер" означает "*союзник*".) Может, этот его переход в другой стан был сделан из соображений полезности для индивидуального предпринимательства, потому как второй вывод – это то, что кенейяне были мастерами по металлу. Может быть, Хевер как раз делал или ремонтировал те самые железные колесницы, на которых носились кругом воины Сисары.

Как бы там ни было, Хевер весьма лоялен к режиму Иавина. Возможно даже, что Хевер, судя по его месту жительства, вместе с другими кенейянами прослышал про то, что израильтяне собирают войско, и своевременно доложил об этом куда следует, то есть Сисаре.

И вот Сисара, выбиваясь из последних сил, добирается до шатра Хевера (Суд. 4:17). По восточным традициям, в женский шатер входа нет ни одному мужчине, кроме мужа. Но Сисаре нужно спрятаться – и он направляется *не* к шатру Хевера, а к шатру жены Хевера, Иаили.

Иаиль даже и не ждет от него никаких объяснений. Она выходит ему навстречу и говорит: **"Зайди, господин мой, зайди ко мне, не бойся"** (Суд. 4:19).

И он заходит в шатер. Иаиль прячет его под каким-то ковром. Но Сисара бежал, у него пересохло в горле. И он просит Иаиль дать ему воды. Иаиль дает ему не воды, а свежего молока. Он напивается, ложится и тогда она его накрывает.

Но он никак не может успокоиться. Ему мало того, что он спрятался в шатре у женщины. Он ей еще наказывает: **"Стань у дверей шатра, и если кто придет и спросит у тебя и скажет: "Нет ли здесь кого?", ты скажи: "Нет" (Суд. 4:20).** Наконец он крепко засыпает.

Мы не знаем, какие в голове у Иаили крутились мысли. Можно только догадываться об этом, судя по тому, что она сделала. Положение у нее было непростое, конечно. Она замужем за кенеянином, а кенеяне вроде как союзники израильтян, но муж ее вроде как им никакой не союзник, а как раз наоборот. Обычно в такие моменты все решал муж, но в этих обстоятельствах (в женском шатре спит мужчина) нужно рот держать на замке, поэтому Иаиль не может ни с кем посоветоваться. Итак, Иаиль думает... Раз Сисара прибежал один, измученный и без всяких коней и колесниц, ясное дело, это говорит о том, что битва для хананеян не сложилась. Но если Сисара все-таки жив и не в плену, трудно сказать, что готовит грядущее для тех, кому она хранит верность, для израильтян.

Все эти мысли я, конечно, за Иаиль додумываю сам, но мне они кажутся весьма логичными и вполне возможными. Ведь потом она делает что?

Пока Сисара крепко спит, положив голову на бок, Иаиль берет молот и кол от шатра, такой длинный кол, который забивают в землю, чтобы на него натягивать канаты, на которых держится шатер. В то время это были совершенно обычные в хозяйстве вещи, с которыми любая домохозяйка, хоть отчаявшаяся, хоть нет, управлялась запросто. Вот она спокойно и приставляет кол острием к виску Сисары и загоняет

его хорошо поставленным ударом в череп полководца, прикалывая того к земле, как жука к картонке.

Очень скоро в город с шумом входит Варак. Иаиль выходит его встречать.

"Зайди-ка сюда, – говорит она, – и я тебе покажу того, кого ты ищешь".

Варак заходит в шатер. А там лежит Сисара, и в мозгах у него торчит кол от шатра.

Варак не мог в тот момент не вспомнить слов Деворы, так ведь? **"Пойти пойду с тобою, только не тебе уже будет слава на сем пути, в который ты идешь; но в руки женщины предаст Господь Сисару"** (Суд. 4:9).

И женщиной этой стала не Девора, а Иаиль!

Этот день стал для Израиля днем великого перелома. Они переломали все 900 железных колесниц. Они намного подсократили численность войска Иавина. После этой битвы силы подравнялись, а гибель Сисары деморализовала армию хананеев. Сказано, что Израиль с того времени становился все сильнее и сильнее, пока не наступил день, когда Иавина израильтяне со своей выи свергли и стали свободны (Суд. 4:24).

Иаиль очень расстраивает наших современников. Они смотрят на то, что она наделала, и не могут решить, хорошо это или плохо. Мог ли такое подсказать Бог? Но Иаиль в Писании прославляется, как женщина-героиня. В Библии правильность ее поступка никак не ставится под сомнение.

Перед Иаилью в каком-то смысле стоял того же рода выбор, что и перед Вараком. Им обоим предоставлялась возможность совершить что-то очень-очень сложное, болезненное и безрассудное... но действовать нужно было сразу, времени на раздумья не было. Варак мог подняться на гору и заманить за собой в долину войско Сисары. Иаиль могла загнать кол от шатра в голову вражеского генерала. И в той, и в другой ситуации нужно было немного помучиться, зато потом можно было надолго расслабиться. Мне тоже снова и снова приходится принимать такого рода решения.

В последних словах этой библейской истории сказано, что принесли подвиги Деворы и Иаили народу Израиля (Суд. 5:31). Всего пять слов, но зато каких слов! **"И покоилась земля сорок лет"**. В результате этого краткого эпизода двадцать лет рабства сменились в два раза дольшем периодом свободы, мира и радости. *Правильный секундный поступок,*

даже если совершить его страшно, может стать самым лучшим выбором с долгосрочной перспективой, потому что он несет с собой мир.

Варак растерялся. Деворе пришлось его гнать на поле боя, а потом, когда Бог начал совершать чудо, послав грозу и ливень, ей пришлось Варака практически сталкивать силой с горы! А вот Иаиль долго не думала. Кто мог угадать, когда Сисара проснется? Но она решила действовать и рисковать. Ей пришлось держать ответ перед мужем. Могла бы она ответить и перед законом. Попадись она в руки Иавина, не сносить бы ей головы. Но она нутром чуяла, что надо сделать, и сделала. Она предпочла немного помучиться, чтобы надолго расслабиться. Минутный риск в обмен на много лет мира и покоя.

Нам эта идея (минутный риск в обмен на годы благ) не очень-то по вкусу. Нам больше нравится, чтобы на минутку что-то урвать, и мы мало задумываемся, "урывая", что за это придется расплачиваться годами проблем. Сколько раз я стоял ни туда, ни сюда, как Варак? Мне нужно было принимать решение, при котором требовалось чем-то ненадолго поступиться, на минутку рискнуть. Типа решиться потерпеть и купить что-то за наличные, но позже... или в кредит, но сейчас. Но я колебался. И брал кредит. И нес игрушку домой. На какое-то время я что-то приобретал, но теперь живу уже несколько лет с проблемами.

Точно с такими же проблемами мы сталкиваемся, когда пытаемся сбросить вес (или хотя бы стабилизировать его неустойчивый прогресс). Деньги пробуем экономить. Библию хотим начать читать регулярно. Известный американский десятиборец Брутус Гамильтон сказал: "Самая, пожалуй, странная ирония этой странной жизни заключается в том, что люди, которые больше всех трудятся, подчиняют себя самой строгой дисциплине, отдают нам какие-то удовольствия, чтобы достичь какой-то цели, становятся и самыми счастливыми... Когда вы видите, как на старте какого-то забега выстраиваются двадцать или тридцать спортсменов, не жалейте их, не сочувствуйте им. Лучше им позавидуйте".

Жизнь свою мы "находим" только тогда, когда ее отдаем. Сначала нужно отречься себя, а уже *потом* приходит радость.

Сколько раз я поддавался сиюминутному искушению и платил потом за свою ошибку многие месяцы или годы? В Божьем хозяйстве все наоборот. Иногда нужно сделать

сейчас что-то неприятное, но правильное, чтобы потом долго пользоваться приятными плодами этого поступка.

Вот поэтому-то Иисус и сказал: **«Сберегший душу свою потеряет ее; а потерявший душу свою ради Меня сбережет ее» (Мф. 10:39)**. Потому-то Он и говорил: **"Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною" (Мф. 16:24)**. Только такая последовательность поступков и событий ведет к истинному удовлетворению. Только она к радости ведет. К миру приводит только она одна.

Давайте же просить Бога, чтобы Он нас в этом направлении и вел.

3

ХРАНИТЬ ВЕРНОСТЬ ВЕРНОСТИ

В нашей первой беседе об "отчаявшихся домохозяйках" мы познакомились с Сарой, жизнь у которой была далеко не сахар. Потом мы рассуждали о Деворе и Иаили. В той истории, особенно в конце ее, рекой лилась кровь. Но сегодня наконец речь пойдет о двух отчаявшихся библейских домохозяйках, с которыми все закончилось самым настоящим "хеппи-эндом". Итак, разрешите мне вам представить Ноеминь и Руфь.

Если взять и прочитать книгу Руфь вслух от начала до конца, то это займет меньше двадцати минут. Я вам предлагаю на этой неделе как раз так и сделать – взять Библию и прочитать эту книгу. Думаю, вы не пожалеете. Книга Руфь – восьмая по счету книга Библии. Она идет после книги Судей и перед 1-й книгой Царств. В моей Библии она занимает меньше четырех страничек.

А сейчас я вам расскажу суть истории, которая изложена в этой книге. Отправимся на 3 300 лет назад, в древний Израиль, в город Вифлеем. До рождения Христа остается 13 веков. Что-то случается с климатом, в Израиле наступает засуха – и урожай гибнет. Гибнет урожай – голодает народ. В то время все кормились с земли. Если ничего не выросло на твоих сотках, нельзя было пойти в ближайший магазин и подкупить чего нужно для семейного стола. Нужно было идти туда, где что-то на сотках росло.

Поэтому-то житель Вифлеема Елимелех решает переехать на новое место жительства. Он собирает вещи и семью – жену, которую звали Ноеминь (что значило "приятная", приятное имя, правда?), и двух сыновей, Махлона и Хилеона. Если от Вифлеема идти на восток, то нужно обогнуть северную оконечность Мертвого моря, которое тогда называли Соленым. А потом, если пойти по берегу озера на юг (потому что Мертвое море длинное и узкое, и с севера на юг оно тянется

почти на 80 километров), попадешь в землю Моавитскую. Именно там и поселились Елимелех с Ноemiной. Там хлеб был.

Думаю, что у Елимелеха не было выбора. Просто нигде больше пропитания было не найти. Иначе в Моаве он вряд ли бы поселился – не в таком окружении хотел бы еврейский отец воспитывать своих сыновей. Нет, Моав, в принципе, не был врагом Израиля. Не было у моавитян ни сильного войска, ни той задиристости, которой было с лихвой у многих других соседей народа Божьего, что только и думали, как бы его покорить. Но Моав представлял для Израиля другую опасность: он мог покорить сердца израильтян.

Народ моавитский появился лет за шестьсот до этих событий, и произошло это весьма оригинальным образом. Помните Содом и Гоморру, города, которые Бог погубил огнем за то, что жители их вконец развратились? Так вот тогда один человек из этих городов, Лот, все-таки спасся. Правда, его жена оглянулась назад и превратилась в соляной столб. (Об этом вы можете прочитать в 19-й главе книги Бытия). После того как Лот овдовел, две его дочери подпоили и соблазнили своего родителя и забеременели от него. И вот у каждой из них родилось по сыну от собственного отца. Одним из этих сыновей и был Моав. Когда он вырос, землю эту назвали его именем, а жители ее стали моавитянами.

Интересно, чем впоследствии прославились жители Моава, имея такую, мягко говоря, необычную родословную. Так вот прославились они тем, что женщины у них были очень привлекательные и что очень хорошо у этих женщин получалось "привлекать" израильских мужчин. Они привлекали их к себе и отвлекали от служения единому истинному Богу Израилеву. А, привлекая к себе, они израильтян вовлекали и в свой моавитский образ жизни, который был насквозь языческим. Моав был известен клятом местного лжебога Хамоса. Религиозные ритуалы у моавитян были очень кровавожадные. Иногда они даже приносили в жертву детей. Так что расположенный на восточном берегу Мертвого моря Моав был очень сильно не похож на Израиль, который лежал на западном берегу этого моря. Но в Моаве был хлеб, а Елимелеху нужно было кормить семью. Поэтому он ведет эту семью в Моав.

Но Елимелех, возможно, болел. А может, просто старенький уже был. Может, что-то в этой новой стране его

подкосило. Как бы там ни было, он в Моаве умер и оставил Ноемиль одну с двумя сыновьями. Теперь у нее ситуация совершенно другая. В те времена положение у вдовы было очень рискованное. Никаких социальных гарантий, пенсий там или льгот не было и в помине. Все будущее овдовевшей Ноемини зависело от ее сыновей, Махлона и Хилеона.

Мальчики выросли. Стали интересоваться девочками. И, ясное дело, оба влюбились в девочек местных, моавитянок. Избранницу Хилеона зовут Орфа. А Махлон выбирает себе в жены Руфь.

Но недолго они радуются семейной жизни. Уж не знаю, отчего и почему, но скоро оба сына Ноемини умирают. Сердце Ноемини разбито окончательно. Мало того, что умер муж, так теперь и обоих сыновей она лишилась. Три раза поминки. Три раза похороны. И теперь трое женщин – Ноемиль и ее невестки – не только убиты горем, но еще и нуждой сверху прихлопнуты.

И если где-то еще есть хоть чуть-чуть чего-то хорошего, то это то, что в Израиле, дома, все опять наладилось. Голода больше нет, а еда наоборот есть. Поэтому Ноемиль может вернуться в Вифлеем. Хотя бы уже среди своих она там будет горе мыкать.

Грустный, наверно, был день, когда трое женщин собирали свои пожитки и готовились покинуть Моав. Ноемиль смотрит на все то, что когда-то принесла с собой из Вифлеема, когда вместе с ней был муж и два маленьких мальчика. Что-то она, может, оставила, что-то кому-то отдала, а что-то просто выбросила, потому что не могла она смотреть на милые сердцу вещи, напоминавшие ей о тех, кого с ней уже не было. А у Орфы и Руфи свое горе. До этого они потеряли своих мужей, а теперь надо прощаться с родными матерями, подругами и родными и отправляться туда, где они никогда не были, на другой берег Моря. Не по себе им, наверно, было, когда они складывали в дорогу вещи, прощались с близкими и навсегда оставляли родные края. Невесело им было, невесело... Все трое понимали, чего они уже лишились и чего лишались в тот день.

Но, еще не выйдя из пределов Моавитских, Ноемиль остановилась. Что-то было не так, нутром чувствовала она. Да, ей было очень грустно отправляться в обратный путь без мужа и сыновей, но разве обязательно нужно было этим двум молодым женщинам делить с ней ее тяжкую долю? Ноемиль знала, что в Вифлееме она им вряд ли что-то сможет

предложить, вряд ли чем-то сможет помочь. Жить они там будут впроголодь, ради куска хлеба придется трудиться не покладая рук. Если бы невестки остались у себя дома, там бы им пропасть не дали. Все-таки рядом матери, подруги...

И Ноеминь сказала им: **"Пойдите, возвратитесь каждая в дом матери своей; да сотворит Господь с вами милость, как вы поступали с умершими и со мною! Да даст вам Господь, чтобы вы нашли пристанище каждая в доме своего мужа!"** (Руф. 1:8, 9). Потом она их обоих поцеловала на прощание, и невестки разрыдались.

За эти годы они все-таки друг ко другу привыкли, притерлись, прижились. Моавитянки любили свою свекровь. Женщина она была нрава прямого и даже крутого, мнение свое выражала четко и ясно, не мямילה. И потому Орфа и Руфь отказались остаться. Они готовы были пойти с Ноеминью в Израиль. Они хотели оставаться все вместе.

Но Ноеминь не кокетничала. Она прямо приказала невесткам: **"Возвратитесь, дочери мои"** (Руф. 1:11). Нет вам никакого резона идти со мной. Я уже больше не рожу детей, которые могли бы вырасти и стать для вас мужьями. А сама я такая старая, что замуж уже никак не выйду. **"Да если б я и сказала: "Есть мне еще надежда", и даже если бы я сию же ночь была с мужем и потом родила сыновей, – то можно ли вам ждать, пока они выросли бы? Можно ли вам медлить и не выходить замуж? Нет, дочери мои..."** У вас хоть какая-то надежда есть. У меня – никакой. Не губите себя из солидарности со мной. **"...Я весьма сокрушаюсь о вас, ибо рука Господня постигла меня"** (Руф. 1:12, 13).

Орфа не выдерживает. Она целует на прощание свекровь и той же дорогой, которой уходила на чужбину, возвращается на родину, которую еще не успела покинуть. А Руфь не выпускает из объятий Ноеминь. Ноеминь же не сдается.

15 Ноеминь сказала Руфи: "Вот, невестка твоя возвратилась к народу своему и к своим богам; возвратись и ты вслед за невесткою твоею". Ведь у тебя же здесь родные, родина, вера твоя, обычаи и привычки твои. Мало тебе старых бед, что ты хочешь еще и новых себе прибавить – приспособливаться к новому месту, новому народу? Не издевайся ты над собой.

16 Но Руфь сказала: "Не принуждай меня оставить тебя и возвратиться от тебя; но куда ты пойдешь, туда и я пойду, и где ты жить будешь, там и я буду жить; народ твой будет"

моим народом, и твой Бог – моим Богом;

17 и где ты умрешь, там и я умру и погребена буду".

"Смерть одна, – дальше говорит она, – разлучит нас".

И наконец... **18 Ноеминь, видя, что она твердо решила идти с нею, перестала уговаривать ее.**

И пошли две женщины – старая и молодая – далеко-далеко... И пришли они в Вифлеем, и весь город только об этом и говорил. Люди слышали, что умер и Елимелех, и сыновья его, и были уверены, что никогда больше Ноеминь на родине никто не увидит. В те времена вдовы пенсионного возраста по миру не путешествовали. Но она пришла... и все были рады ее видеть, и ужасно удивлены, что она с собой привела и свою невестку, моавитянку. Моавитянка в Вифлееме! Диво дивное!

А Ноеминь просто от всего устала. Она спасалась от голода. Она прожила много лет на чужбине. Она похоронила мужа и детей. Она навсегда распрощалась с другой невесткой. А прямо теперь за плечами у нее был долгий-долгий путь домой. "Не называйте меня больше Ноеминью, – сказала она друзьям. – "Приятная" – это уже не про меня".

20 Она сказала им: "Не называйте меня Ноеминью, а называйте меня Марою [что значило "горькая"], потому что Вседержитель послал мне великую горесть;

21 я вышла отсюда с достатком, а возвратил меня Господь с пустыми руками; зачем называть меня Ноеминью, когда Господь заставил меня страдать, и Вседержитель послал мне несчастье?

Женщина просто выбилась из сил.

Но Ноеминь даже сама еще не понимает, что у нее есть сильный козырь. У нее есть то, чего нет ни у кого больше. Тайное оружие. Руфь у нее есть. Кому-то, может, кажется, что Руфь – это тяжкое бремя, камень на шее. Если Ноеминь ищет себе помощника, то Руфь ей помочь никак не может – и нация у нее не та, и пол не тот, и вера не та, и семейное положение подкачало. Но у Руфи есть самое главное: она твердо намерена хранить верность верности.

Сегодня верности верность хранить разучились. Над этим насмеяются. Это кажется глупостью несуетливой. Ну, человеку еще можно быть верным, ну, делу какому-то, ну народу, ну партии, ну фирме (пока в ней работаешь)... А верности хранить верность – какой смысл?

Но у Руфи есть сила, сила духовная. И сила эта у нее именно от того, что она верна своей верности. Потом мы

увидим, что именно Руфь придумает план выживания в этих стесненных обстоятельствах. Именно Руфь этот план изложит свекрови. Именно Руфь его воплотит в жизнь. Именно Руфь самолично будет рисковать, никого не подставляя. Именно Руфь поведет обеих женщин удивительным путем к новой, счастливой жизни.

Посмотрите, какие силы ей придает эта верность верности, даже когда та, кому она верна, ничего уже не может и ни во что уже не верит. В то время по закону Моисееву бедным помогали, кроме всего прочего, и тем, что давали им собирать колоски на жатве. Жнецам не разрешалось убирать колосья до самого края поля. Они должны были оставлять немного колосков по краям, чтобы кто-то мог эти колосья сорвать. А еще, когда убирали урожай, можно было проходить по полю только раз. Возвращаться и прочесывать уже убранное поле, чтобы ничего на нем не оставить, тоже было нельзя. Беднякам разрешалось ходить за работниками и подбирать все, что по любой причине оставалось на поле. И Руфь излагает Ноемини свой замысел. Ноеминь-то, в принципе, вернулась домой умирать, но Руфь ей говорит: **"Пойду я на поле и буду подбирать колосья по следам того, у кого найду благоволение"** (Руф. 2:2). И Ноеминь вздыхает и говорит: **"Пойди, дочь моя"**. Типа "Ай! Делай, что хочешь".

И Руфь делает, что хочет. Она идет на поле и подбирает колоски. Трудится она в поте лица. Без отдыха работает. Дело это рискованное (ведь она женщина, да еще чужестранка, а и тех, и других работники запросто могли обидеть, и обижали), но Руфь идет на этот риск.

Сила Руфи не от Ноемини исходит. Ноеминь, по сути, уже сдалась. Она ни на что не надеялась. Ничего от Руфи не требовала. Она понимала, что им ничего не светит. Она ясно давала понять, что надежда ее погибла. Ее надежду похоронило ее вдовство, возраст, неспособность рожать детей. И она своей безнадежностью заражает Руфь – ей кажется, что Руфи *тоже* нужно найти себе мужа, иначе и *Руфь* пропадет. Ноеминь Бога считает своим врагом. Она не видит от Бога ничего для себя хорошего. Ей кажется, что Руфи будет больше толку от ее богов. От Ноемини Руфь не получает ничего. Ни ободрения. Ни силы. Один скептицизм от нее льется на Руфь бурным потоком.

Но верность Руфи преодолевает безнадежность Ноемини. Ведь она-то верна не потому, что у Ноемини все хорошо. Не потому она хранит верность, что Ноеминь молода, что у нее

положение завидное и перспективы многообещающие. Она обещала быть верной и держит свое обещание *несмотря ни на что*. Несмотря на безнадежность она его держит, несмотря на старость, на бесплодие, на нищету, на насмешки, на войну вер и полов – это все ничего для Руфи не значит. Она знает, что нужно делать. Она надолго запаслась терпением. Она верна своей верности.

Вокруг нас с вами полно Ноеминой. Многие приятные люди рядом с нами становятся горькими. Частенько случается, что надежды сгорают синим пламенем, оставляя по себе пепел безнадеги. Бывает в жизни такое, что сила сменяется страшной немощью.

Просыпается человек однажды, смотрит на свою супругу и говорит: "А где же мои *чуйства*?" Я обречен на верность этой даме? Мне дали пожизненное заключение?

Вы хотите попасть на завидную работу, на собеседовании вы просто блистаете, вам все нравится... а потом подписываете вы контракт, через пару дней (недель, лет) оглядываетесь вокруг и говорите сами себе: "Ой, а чего ж это я наделал-то?" Начиналось все ноеминь, а теперь на душе сплошная мара. Начало было приятное, а середка горчит так, что кривишься весь. Я обречен на верность этой работе? Меня поймали в клетку?

Ты начинаешь ходить в церковь, ты от всего в восторге, неделя проходит за неделей, а потом наступает день, когда ты оглядываешься вокруг и говоришь: "Что-то не то..." Там, где на душе была одна приятность, теперь явно оседает толстым слоем горечь. Я обречен на верность этой церкви? И пути назад нет?

Помню, как я впервые услышал фразу "*верность верности*". Не самое счастливое это было время в моей жизни. Мне было слегка за двадцать, и мой первый брак трещал по всем швам. Я сидел на работе рядом с другим молодым человеком, у которого от первого брака тоже треск стоял страшный. Он взял курс на развод, а я плыл по течению. Мне не давали развестись религиозные убеждения, и к тому же я понимал, что виноват во всем я, а не она. Мы с моим товарищем по работе часами говорили про браки и про разводы, и наконец однажды он посмотрел на меня, хихикнул и сказал: "Так ты ж ее не любишь. Ты просто хранишь верность верности".

У меня в глазах потемнело от этих слов! Все у него было

складно и разумно. Какой может быть смысл хранить верность верности? Никакого. Я себе показался таким идиотом! Мне стыдно, но должен признать, что простую истину о том, что верность верности хранить все-таки надо, я понял только через много лет, когда тот свой брак я уже давно загубил, пойдя все-таки на развод. Удивительно, но факт: нет ничего сильнее в смысле преданности, чем эта самая верность верности. Самая наисильнейшая это сила. Самый высокий уровень энергии. Самая непрестанная мощность.

Почему? Потому что через какое-то время после того, как я кому-то обещаю свою верность, тот человек меня подводит. Того, верность кому я обещал хранить, уже больше нет. Этот человек уже не тот. Он другой... и совсем не лучше того, старого.

Я отдаюсь с потрохами своей фирме, а ее потом продают крупной японской компании. Той фирмы, с которой я подписывал контракт, больше нету. Теперь это совсем другой организм.

Я собираюсь быть верным своей церкви до конца жизни, а она растет, и все в ней становится не таким, как раньше. Или наоборот, усыхает, и то, что людей из церкви выгаликивает, меня очень беспокоит. Или церковь остается по количеству членов такой, как была, но меняется в чем-то другом. И оказывается, что я обещал хранить верность церкви... которая существовала только в моем воображении. В моих несбывшихся мечтах.

Всю свою жизнь снова и снова я буду испытывать то же чувство – будто меня обманули, предали. Я обещаю хранить верность какому-то делу. Распорядку дня. Диете. Политической партии или политике. Кредиту. Переезду в новый дом. Ребенку. Еще одному ребенку. Еще одному ребенку! Если я действительно буду верен только этому делу, этому распорядку дня, этой диете или чему-то еще, я обязательно разочаруюсь и со страшной силой захочу плюнуть на это все... потому что после того, как я "начинаю хранить верность", ситуация постоянно меняется. И только в том случае, если я буду намерен *хранить верность верности*, я смогу пережить все изменения, всю горечь разочарований и предательств.

В нашем обществе верность встретишь все реже и реже. На того, кто кому-то или чему-то верен продолжительный период времени, смотрят как на чудака, как на дурака или в лучшем случае как на человека наивного, неопытного и непрактичного.

Звезды Голливуда живут вместе 35 лет. Что мы на это говорим? Ничего себе! Вот это да! Брэд Питт и Дженнифер Анистон разбегаются через четыре года. Мы пожимаем плечами. Ну что тут сказать? Все нормально. А чего вы ожидали? Верности?

В жизни без всякого сомнения есть то, чему *не* стоит обещаться в верности. И есть, конечно же, много таких обещаний в верности, которые нужно обставлять условиями. Наша церковь собиралась по средам, пока не стало ясно, что очень многие хотели бы собираться лучше по четвергам. Тогда мы добавили к собранию в среду собрание в четверг. Это было обещание верности с условием. Если бы в четверг на служении никто не появился, мы бы, ясное дело, это собрание прикрыли. Разумно? Разумно.

Но если завести речь о том, чтобы начать проповедовать что-то такое, чего в Библии не сказано... начнется серьезный скандал. Все потому, что мы обещались хранить верность Библии как основе всей жизни нашей. Как инструкции пользователя, которую нам дал Бог, чтобы мы из нее узнали, какой Он нашу жизнь задумал. И мы храним верность этой верности.

Иногда, честно говоря, мне не нравится то, что я читаю на страницах Писания. Иногда я вовсе не испытываю прилива благодарности за то, что Библия мне меня же показывает как в зеркале, выворачивая на поверхность, как ковшом, всю грязь того, что я делаю, говорю или (чаще всего) думаю. Иногда я открываю Библию с намерением "набраться духовности", а получаю оплеуху. Бог во мне хочет сделать что-то другое, и обращается ко мне через слова Слова Своего, ставя меня в угол! И мне кажется, что меня обманули. Мне кажется, что Бог ко мне относится не так, как раньше. Но я продолжаю обращаться к Библии за советом и наставлением... потому что я храню верность верности.

Иногда я не понимаю, что Бог делает в моей судьбе. Я на Него злюсь. Я Им недоволен. Мне кажется, что Он не обращает никакого внимания на то, что для меня очень-очень дорого. Я надеюсь, что где-то в моей жизни может быть приятность, а Бог туда подпускает горечи. И я это просто ненавижу. Можно сказать, что если бы я был верен тому Богу, Которого себе представляю... Богу, Которого ожидаю... Богу, Которого я себе высчитал... то я бы испытал сильнейший соблазн отказать Ему в своей верности. Но когда-то очень давно я решил жить с Богом. Я решил, что буду Ему верить во всем. Что буду верить,

что Он меня любит и обо мне заботится. Что Он мне дает все самое лучшее. И я храню верность этой верности. И я снова и снова возвращаюсь назад. Возвращаюсь опять и опять к Нему. Еще и еще раз подставляю себя под Его оплеухи.

Это я сам с собой говорю, потому что моя жена, я вам скажу, меня иногда просто убивает. А работа моя... не будем о грустном. А церковь!.. Если б вы знали, как мне тошно от этой моей церкви порой бывает. (Правда, правда!) И я остаюсь с ними со всеми – с женой, работой и церковью – только потому, что я верен своей верности. И много бывает у меня таких дней, когда я себе напоминаю, что достаточно быть всего только верным верности. Так оно лучше всего. Так все у меня в жизни будет сильнее, дольше и лучше.

А теперь я вам просто кратенько расскажу конец нашей истории, а на следующей неделе мы окинем взглядом ее всю. Итак, Руфь уходит в поля. И ее дерзновение окупается сторицей. Она находит человека, который ей помогает. Ей предоставляется шанс. Руфь возвращается домой к Ноемини с большим мешком зерна.

Ноеминь оживает. Она видит надежду там, где надежды не было никакой. Она становится той, прежней Ноеминью. Она снова все просчитывает. Она принимается отстраивать развалины. Она раздает приказы и продумывает планы. И, не успеваем мы и глазом моргнуть, как она славит Бога за Его милость. Во как!

Финал этого повествования, о котором мы поговорим через неделю, – одна из самых прекрасных любовных историй в истории человечества. И речь тут идет не только о любви между Руфью и тем мужчиной, с которым она встречается. Речь даже не о любви между Руфью и ее свекровью, которой Руфь отдает свою жизнь. Речь о любви между Богом и человеком... ведь это правдивый рассказ о том, на что готов пойти Бог, чтобы дойти до нас, чтобы помочь нам, чтобы жить с нами. Его любовь – любовь без изъяна.

И когда я храню верность верности, я не обгоняю Бога. Я не делаю чего-то такого, чего Он, Бог, уже бы не сделал. Я только догоняю Его. Он уже дал обещание хранить мне верность и верности Своей этой верен. **Сказано, что у Него "нет изменения и ни тени перемены" (Иак. 1:17).** И потому, когда я Его подвожу, предаю, обижаю, становлюсь совсем не таким, каким Он меня задумал, когда впервые задумал... Он мне все равно верен. Он меня все равно любит.

4

РОМАНТИКА, РИСК, ИСКУПЛЕНИЕ

Мы начали с вами рассуждать о том, что случилось с Ноеминой и Руфью. (Кстати, мало того, что вы можете скачать текст любой из этих проповедей с сайта www.compassfellowship.com; вы можете еще и "сходить к нам в церковь", потому что каждую неделю у нас на сайте выкладывается видеозапись наших служений.) Итак, я напомню вам, что Ноемиль была женщина из Израиля, которая жила в Вифлееме, том самом городе, в котором родился Иисус, но только на 1 300 лет раньше. Ей с мужем и двумя сыновьями пришлось покинуть родной город, потому что в Израиле был голод, и уйти в страну на другом берегу Мертвого моря, в Моав. Страна была самая что ни на есть языческая. Все на новом месте для семьи было чужое, не свое. Потом случается горе – умирает муж Ноемини. А тем временем подрастают мальчики и оба женятся на местных девочках. Но не довелось Ноемини понячить внуков. Оба молодых мужа тоже умирают. И Ноемиль остается с двумя невестками-моавитянками, Орфой и Руфью.

В то время женщине остаться без мужа было очень опасно. Не было у нее финансовой стабильности, и это еще очень-очень мягко сказано. Она становилась нищенкой. Положение у нее было наирискованнейшее. Никто никакой работы вдове не предлагал, мало того, ее, эту работу, было практически невозможно найти даже если вдова ее сама искала. И как тут прокормиться, как выжить? А теперь получается, что в такой в буквальном смысле слова опасной для жизни ситуации оказываются все трое женщин – одна старая и две молодых.

Ноемиль решает вернуться в Вифлеем, а невесткам советует остаться в Моаве со своими матерями. Ведь, в конце концов, они-то вдовы молодые и вполне могут еще найти себе новых мужей. Орфа соглашается. А Руфь не соглашается. Она

собирается с Ноеминью в Вифлеем. Она не хочет расставаться со свекровью.

Ну, вот приходят они в Вифлеем, там их ничего, кроме бедности, не ждет, и Ноеминь впадает в депрессию. Но зато Руфь сдаваться не намерена. Идет жатва, и она отправляется на поля. В те дни были законы о собирании колосков, по которым беднякам разрешалось ходить на поле за работниками и собирать те колосья, что оставались после жнецов. Эта система была установлена еще при Моисее, много лет назад, чтобы у бедных был хоть какой-то шанс прокормиться. Мы с вами уже вспоминали, что жнецам не разрешалось убирать колосья до самого края поля. Они должны были оставлять немного колосков по краям поля, чтобы кто-то мог эти колосья сорвать. А еще, когда убирали урожай, можно было проходить по полю только раз. Возвращаться и прочесывать уже убранное поле, чтобы на нем не оставить ни колоска, тоже было нельзя.

И вот Руфь выходит в поле со старым мешком из дерюжки и начинает собирать неубранные колоски. Работает она на совесть, без перекуров, как другие женщины, которые каждые минут двадцать присаживаются передохнуть. Руфь трудится без отдыха до обеда.

Но Руфь не знает, по какому она полю ходит. Она не понимает, что забрела на поле, хозяин которого родственник Ноемини, добрый человек, немолодой уже холостяк по имени Вооз. И Вооз "в курсе дела". Он слышал про эту диковинную чужестранку, которая оставила свою страну, свою семью, свою веру и пошла за овдовевшей Ноеминью на ее родину, в Вифлеем. Вооз вроде как даже Руфью за это восхищается... а когда видит, как она работает, восхищается еще больше. Она ведь просто не разгибает спины!

И тогда в обед он ее не игнорирует, как обычно поступают хозяева поля и жнецы с бедняками, которые бродят по полям в поисках оставленных колосков, а приглашает разделить с ними трапезу. Что-то вроде пикника у них там на поле было: хлеб, винный уксус, поджаренные зерна – неплохое меню по тем временам.

Руфь садится и начинает есть. Она хорошо поработала и наработала неплохой аппетит. Она ест и ест. Но Вооз к ней был так добр (можно предположить, что он подкладывал ей самые вкусные куски), что даже когда она наелась досыта, у нее еще кое-что осталось, что можно было занести домой и поставить в холодильник. Потом Вооз приглашает Руфь прийти и на

следующий день. Да и вообще, говорит он, почему бы тебе не работать до самого конца жатвы на моих полях. Женщине в то время таким делом было заниматься было опасно (работники на полях собирались такие, что оторви да брось), но Вооз лично гарантирует Руфи, что его жнецы ее пальцем не тронут.

Потом, когда Руфь собирается на работу во вторую смену, Вооз, не афишируя этого, оказывает ей еще один знак внимания. Иногда жнецы беднякам осложняли жизнь тем, что их публично стыдили или даже плевали на законы про колоски и выгоняли нищих с поля, особенно когда те сходили на край поля и собирали колоски там, где еще никто ничего не жал. И вот Вооз тайком дает своим работникам приказ, чтобы они не только не мешали Руфи ходить везде, где она только пожелает, и никоим образом не доставляли ей никаких неудобств, но и когда Руфь будет идти за ними, незаметно роняли побольше колосьев ей под ноги. Все с товарищем ясно. Прощай, холостяцкая жизнь!

* * *

Богословы веками говорили, что, читая историю Руфи, нужно в Воозе видеть Христа. Вооз – это Христос, Руфь – это мы. Если я буду на эту историю так и смотреть, то много чего увижу и пойму о моих отношениях с Богом, начиная со своей беспомощности, скажем. Руфь ведь стартует с нуля. Она просто пытается продержаться, прожить каждый очередной день, не умереть. Если честно, то я точно так же живу. И, кажется мне, большинство из нас так живет. Мы никакие не святые, в монастырях днями над Священным Писанием не корпим и ночами на всенощных бдениях не стоим. Мы просто пашем, тянем лямку, короче, живем обычной жизнью. Мы постоянно заняты чем-то житейским, бытовым, обыденным. Как прожить? Как выкрутиться? Как поесть, как выспаться, как прокормить семью? Руфь – это и правда мы.

Руфь тянет свой мешок из дерюжки и старается как может... но не понимает, на чье она забрела поле. Так и мы этого не понимаем. До нас не доходит, кому это все принадлежит. Кто посадил все то, что мы по зернышку собираем в свой мешок. Кто побывал на сцене нашей жизни до нас и устроил все так, чтобы нам эти зернышки и колосочки попадались прямо под ноги. Кто проложил нам путь, на котором мы теперь находим все то, что нам в жизни нужно. От кого нам "обламываются" те благословения, которые мы получаем. Давным-давно, задолго до того, как мы заметили

Бога и пришли к Нему, Он уже для нас все готовил. Это по Его полю мы бродим.

И самое в Боге чудесное то, что Он разрешает нам бродить по Его полю сколько угодно. Это Его хлеб мы едим, с Его земли живем, об этом практически не помня и не задумываясь... и Он ничего против не имеет, а преспокойно продолжает нам все давать, как и раньше давал. И еще даже ищет, как нам помочь. Когда человек приходит к Богу и оглядывается на свою прошлую жизнь, Он вдруг хлопает себя по лбу и говорит: "Так ведь оказывается, Бог мне всю жизнь посылал все, что было нужно, а я этого и не понимал!" Человека тогда просто поражает сила благодати Божьей. Он потрясен тем, как Бог его уберег от гибели. Как довел до этого дня в целостности и сохранности. Как подводил к Себе все ближе и ближе. Так близко, что уже ближе просто и нельзя было. Мы часто слышим, как кто-то говорит: "Бог довел меня до этого места", "Бог привел меня сюда", "Я был от Него далек, но Он направлял шаги мои", "Он вывел меня из моей прошлой жизни к этой, сегодняшней, и я рад, что Он это сделал".

Даже после того, как мы познали Бога, мы часто по несколько дней так можем ни разу и не вспомнить, на чьем же мы поле "пасемся". Но Бог продолжает о нас заботиться. Он приглашает нас остаться на Его поле. Он все устраивает так, чтобы прямо перед нами падали на землю зерна и мы могли их собирать. Псалмопевец говорит Богу: **"Ты посещаешь землю и утоляешь жажду ее, обильно обогащаешь ее: поток Божий полон воды; Ты готовишь хлеб, ибо так устроил ее"** (Пс. 64:10). Бог каждый новый день посылает мне доход. Каждый очередной день Он шлет мне друзей. День за днем Он продлевает мое здоровье. Сутки за сутками изливает на меня благословения. Христос в Нагорной проповеди говорит (Мф. 6:25-34), что Бог дает нам все, что нужно, точно так же, как Он дает все, что нужно, птицам и цветам. Я могу быть свиньей неблагодарной, но Бог все равно рад, что я на Его поле подбираю колоски.

* * *

Но вернемся к Руфи. Она трудится до вечера – и результат налицо. (Умолчим, какими растяпами она считает жнецов Вооза, подбирая за ними столько зерна!) Потом, когда темнеет, она идет на гумно. Гумно – это место гладкое и ровное, которое обычно устраивали на вершине или на склоне холма, чтобы его хорошенько обдувал ветер. Сначала зерно на гумне рассыпали,

а потом по нему какое-нибудь животное тянуло что-нибудь тяжелое, чтобы его расшелушить. Все ненужные скорлупки и усики от съедобного ядрышка отваливались. А потом зерно подбрасывали вверх. Это называлось "веять". Ветром сдувало мякину и солому, а то, что в зерне самое ценное, в нем же и самое тяжелое – как взлетает в воздух, так и падает, и потому остается на месте.

Когда Руфь смолотила набранное за день, у нее вышло где-то килограммов двадцать зерна. Тяжеленький мешочек! И она его отволокла домой Ноемине (вот, наверно, свекровь вытаращила глаза), а потом, вдобавок ко всему, Руфь вытащила еще и то, что не доела за обедом. Вот это да! До Ноемине начинает доходить, что же случилось. Она уже несколько месяцев не жила, а существовала, не видя ни в чем никакой радости. Теперь ей становится *интересно*. Она понимает, что с Руфью что-то происходит. Бедная девушка, особенно чужестранка, которую должны были весь день жнецы только и делать, что с поля гонять, не приносит домой двадцать килограммов зерна за один день собирания колосков и молотьбы. Ноеминь сразу соображает, что во всем виновата любовь. Все это означает, что на Руфь положил глаз *какой-то мужчина*. "Где ты собирала сегодня и где работала?" – спрашивает ее Ноеминь (Руф. 2:19). И тогда Руфь в невинной простоте называет имя: Вооз.

Сердце Ноемине, наверно, пропустило пару ударов. Вооз! Это имя ей знакомо. Он же ей свояк. Муж Ноемине с Воозом был близкий родственник. Такой близкий, объясняет Ноеминь Руфи, что он уже, считай, "наш" (см. Руф. 2:20).

И был у них один интересный обычай. В то время, если умирал мужчина и не оставлял сыновей, на его имущество мог претендовать ближайший родственник. У женщин такого права не было, и потому "ближайшим родственником" считался ближайший родственник *мужского* пола. Так вот, ближайший родственник покойного мог искупить потерю, вступив во владение имуществом семьи.

Но была тут одна закавыка. Просто так, одну землю, купить было нельзя. Нельзя было просто купить бизнес покойного родственника, его дом и мебель. Нужно было брать в придачу и вдову. Жена умершего должна была стать твоей женой. Приобрести по дешевке недвижимость считалось делом хорошим. А вот брать жену... не сильно спешили. Недвижимость доход *приносила*. Жена его *уносила*.

Итак, Руфь продолжает трудиться на полях Вооза. Дело идет к концу жатвы. Сначала убирают ячмень, потом разбираются с пшеницей... а потом начнется зима. Да, Ноеминь с Руфью немного зерна запасли... но на этом вряд ли протянешь. И Ноеминь начинает думать. А если Ноеминь начинает думать, то она что-то обязательно придумывает.

И придумывает она вот что. Вооз в эту ночь должен остаться на гумне, он будет веять ячмень. После напряженного трудового дня он с работниками поест и попьет, короче расслабится, а потом ляжет спать... и спать будет рядом с зерном, чтоб не украли. Так делали все. И Ноеминь говорит Руфи: "Помойся, надушись, приоденься и дождись, пока он заснет. Потом открой у ног его (богословы расходятся в толковании этой странной фразы: может, это значило просто поднять одеяло на ногах, чтобы ногам стало холодно и человек проснулся, а может, и что другое), ляг рядом с ним и жди, что будет. Что тебе Вооз потом скажет делать, то и делай".

Что же замышляет Ноеминь? А она просто ставит Руфь в положение искупления. Она дает Воозу возможность сказать: "Знаешь что? Давай я тебя выкуплю. Выкуплю твою семью. Выкуплю то имущество, которое осталось у Ноемини после мужа. Я возьму все, что вы потеряли. Я вас беру себе".

Для Ноемини было бы намного проще просто позвонить Воозу и спросить у него, берет он их или не берет... но она ему не совсем доверяла. Не была она уверена, что он на это пойдет. Нет, недвижимость прибрать к рукам он бы не отказался, нечего сомневаться. А вот Руфь взять в жены... кто его, крутого, знает. Может, он это за унижение посчитает – ввести в дом иностранку, у которой ни гроша и ни шиша? И вот Ноеминь разрабатывает такую хитроумную стратегию всего только ради того, чтобы привлечь внимание Вооза и поставить перед ним вопрос ребром. Риск есть? Есть. Ведь Вооз мог и обидеться на такой "подходец". Он мог всему городу рассказать, как к нему во мраке ночи подкралась коварная соблазнительница.

Но Ноеминь уговаривает Руфь рискнуть, и Руфь соглашается.

* * *

Не знаю, такого толкования этой части истории ожидал от нас Бог или нет, но когда я читаю, как Ноеминь дает Руфи подробные инструкции, как одеться и куда лечь, мне сразу вспоминается, как люди в наше время пытаются свои просьбы

и проблемы изложить Богу. Полно я вижу Ноеминой кругом, которые тем, кто попал в беду, дают наиподробнее инструкции. Мол, чтобы Бог над тобой смилостивился, тебе нужно проделать то-то и то-то да еще так-то и так-то. В такое-то и такое-то время ты должен быть там-то в такой-то позе. Сделай все так, как тебе сказано, и может быть... всего лишь может быть, Бог будет в хорошем настроении и тебе улыбнется.

Честно вам говорю, смотрю я на все эти правила и предписания, которые все кому не лень клепают и которые у всех разные (у кого слева направо, у кого справа налево) – и слышу голос Ноемини. Делай вот это, а этого не делай, поступай по такой вот формуле... якобы только так и можно с Богом иметь дело. На самом же деле, Бог уже давно к человеку обращается. Он ему давно уже все, что нужно, дает. Он уже давно его любит. И очень хочет, чтобы человек Ему отвечал взаимностью.

Подумаем, с какими мыслями шла Руфь в тот вечер на гумно. Сдается мне, что она обдумала все советы Ноемини и решила действовать иначе. Могу себе представить, как она сама с собой рассуждала: "Так Вооз же меня сам пригласил на обед. Он разрешил забрать домой недоеденное. Да и что-то слишком уж много колосков у меня под ногами попало. Получается, что я ему нравлюсь. Так я ж могу взять и просто с ним обо всем поговорить!" Я искренне убежден, что Руфь могла просто решиться подойти к Воозу в конце рабочего дня, вся потная, в рабочей одежде, и сказать: "Господин Вооз, простите меня, пожалуйста, если я что-то не то делаю, но я хочу, чтобы вы знали: мы с Ноеминой только на вас и надеемся. Нам нужна помощь, и если вы не против, мы бы вам могли доверить свою судьбу". И мне кажется, что Вооз мог улыбнуться... может, он даже запрокинул бы голову и рассмеялся... и сказать, что он на все согласен.

Когда мы к Богу приходим напрямую, Бог улыбается. Давид, один из самых "неправильных" и сложных верующих, которые у Бога только были, писал: "...Услышал Господь голос плача моего, услышал Господь моление мое; Господь примет молитву мою" (Пс. 6:9, 10).

А в 18-м псалме он говорит:

7 В тесноте моей я призвал Господа и к Богу моему воззвал. И Он услышал от чертога Своего голос мой, и вопль мой дошел до слуха Его.

17 Он простер руку с высоты и взял меня, и извлек меня из вод многих;

18 избавил меня от врага моего сильного и от ненавидящих меня, которые были сильнее меня.

19 Они восстали на меня в день бедствия моего, но Господь был мне опорой.

20 Он вывел меня на пространное место и избавил меня, ибо Он благоволит ко мне.

Мы можем приходиться к Богу потными и грязными. Мы можем к Нему приходиться, не имея никакого плана действий. Мы можем рвануть к Богу просто так, не собиравшись, не обдумав всего заранее. Мы можем к Богу отправиться, когда нас не любят, когда мы под огнем критики. Мы можем пойти к Нему с бедой своей. Он это любит. Он *нас* очень любит.

* * *

Как уж там получилось, не знаю – ноги ли у Вооза озябли или еще что с ним случилось, но проснулся он посреди ночи и видит, что рядом с ним Руфь. Дело пахнет скандалом... но Вооз держит себя в руках. Он понимает, что Руфь ему говорит. Она надеется, что он спасет ее с Ноеминой как ближайший родственник. Если она ему нужна, она не против. Он стар, она молода. Она могла бы поискать себе кого помоложе, и, особенно у себя на родине, в Моаве, запросто бы нашла. Но она отдает свою судьбу в его руки.

Однако тут остается еще одна загвоздка. Вооз не самый близкий родственник Ноемини. Есть еще один свояк, который формально ближе по родству, чем Вооз. По закону первое право именно у него. Вооз должен сначала предложить этому родственнику принять свое решение "по поводу". И вот они с Руфью ночью, в темноте, на куче зерна обсуждают это дело. Вооз говорит: "Я с ним поговорю. Если он хочет тебя выкупить, так тому и быть. Если же нет, я точно тебе обещаю, что возьму тебя". Потом он дает Руфи с собой шесть мер ячменя про запас (подарок Ноемини в знак серьезности намерений) и отправляется в город искать этого самого ближайшего родственника.

Руфь приносит домой ячмень и все рассказывает Ноемини. Ноеминь понимает, что за человек Вооз, она интуитивно чувствует, что у него на уме. **"...Человек тот не останется в покое, не кончив сегодня дела",** – говорит она Руфи (**Руф. 3:18**).

Вооз действовал в полном соответствии с тогдашними тамошними обычаями. Он пришел к городским воротам (там

совершались самые серьезные сделки) и, когда появился ближайший свояк Ноемини, подозвал того к себе. Потом он подозвал десять старейшин, людей, пользовавшихся в городе авторитетом, присутствие которых для такого рода сделки было обязательно, и объяснил ситуацию с землей Ноемини. Первым по родству был тот, другой, свояк.

Он, свояк, не думал ни секунды. **"Я выкупаю"**, – сказал он (Руф. 4:4). Не знаю, похолодело ли у Вооза внутри, когда он это услышал, или все-таки он знал, что случится дальше. Ближайший родственник хотел взять землю и имел на это право. С точки зрения закона Вооз ничего не мог сделать. Но Вооз на этом не остановился. Он продолжал говорить. "Имей в виду, – сказал он, – что в тот день, когда ты вступишь во владение землей, к тебе перейдет и вдова покойного, Руфь... (и тут он, как мне кажется, наносит стратегический удар) Моавитянка" (см. Руф. 4:5). Он хочет намекнуть, что тут не только расходами на жену пахнет, но и уж больно жена необычная.

Сделка срочно отменяется. Ближайший родственник, оказывается, не знал всего того, что знал Вооз и вроде как весь город тоже. Нет, он, может, что-то где-то слышал несколько месяцев назад, кто-то что-то говорил про то, что Ноеминь вернулась и привела с собой невестку-иностранку. Но слишком он был занят бизнесом, чтобы читать последние газеты с городскими сплетнями. Так что не в курсе он был и не знал, что эта иностранка все еще в городе и все еще связана с этим земельным участком самым непосредственным образом. Но одно он знал точно: если, чтобы получить землю, надо брать иностранку в жены, такой земли ему не нужно. У него есть свое хозяйство, и добавлять к нему еще одну жену, да еще такую, и все очень усложнять... нет, извините. **"Не могу я взять ее себе, чтобы не расстроить своего удела, – говорит этот родственник. – Прими ее ты, ибо я не могу принять... Купи себе"** (Руф. 4:6, 8).

* * *

Вооз проявил инициативу и выкупил будущее Руфи у ближайшего родственника Ноемини. Точно так же Христос проявил инициативу и выкупил мое будущее у сатаны. Это можно посчитать преувеличением, но вы вспомните, как Бог спорил с сатаной по поводу будущего Иова. Посмотрите, как дискутировали между собой в пустыне Иисус и дьявол. Перечитайте, как Сын Божий боролся со злыми духами во

время Своего земного служения. У нас в духовном мире есть враг, которого в Писаниях обычно называют сатаной, и он есть существо весьма реальное, которое, я уверен, действительно ведет борьбу за души человеческие.

Могу себе представить, как давным-давно Иисус с сатаной спорили о моем будущем. Иисус смотрит в будущее, и, грустно признаваясь, но у Него нет никаких сомнений, что ближайший родственник Дага Брендела именно сатана. Он видит, что я рожусь на свет Божий в 1955 году и что весь с головы до ног заляпаюсь в грехах. Чего я только не натворю за свою жизнь! И врать буду, и химичить... Если честно, я буду больше похож на сатану, чем на Христа.

Но дело-то в том, что каждый из нас был в полном владении сатаны. Мы принадлежали ему, он имел на нас все права – мог нами законным образом пользоваться по своему усмотрению. Сатана мог с полным правом сказать: "Хочу себе этого Брендела. В хозяйстве пригодится. Что-нибудь из него себе засобачим. Поставлю на нем свое клеймо и буду какие-нибудь дела через него обтяпывать. Может, приторговывать чем. Может, бизнесом каким займусь". Но тут пришел Иисус и сказал: "Минуточку... Имей в виду, что Бог оценил голову Дага Брендела в определенную сумму. Сумма, прямо скажем, неподъемная, но я готов ее поднять". И Он искупает душу... чью?.. полного ничтожества по имени Даг Брендел. Редкого придурка. Прегадостную личность. Человека, который всю свою жизнь будет невероятно далек даже от намека на какое-то совершенство. Но Иисус все равно готов на это пойти. Даже несмотря на то, что для искупления души Дага Брендела Христу нужно отдать Свою жизнь, Он соглашается на эти условия. Даже нужно сказать, что цена за душу Дага Брендела была так высока, что ни одно существо во вселенной не хотело и не могло этой цены заплатить... пока не пришел Иисус.

И примерно две тысячи лет назад наступил день, в который Христа распяли на кресте и Он вспомнил о том, что приобрел Себе Дага Брендела. И не одного только Дага Брендела Он Себе приобрел... примерно в то же время Он искупил еще и Ребекку Радмахер... а еще выкупил и Джеффа ван Варта, и Джилл О'Нилл купил, и Кенни Брокмана не забыл... Но там, на Голгофе, умирая в страшных муках, Он тем не менее радовался, что купил все эти души. Потому что Он их очень-очень любил.

Как Вооз в те давние-давние времена выкупил Руфь, так Христос приобрел Себе на кресте нас. На нас висел долг, расплатиться с которым мы ни за что не смогли бы. Мы были беспомощны, и нам очень была нужно, чтобы нам кто-то помог. И Он пришел, приняв на Себя плоть человеческую, чтобы стать нашим родственником, нашим братом... и искупил, выкупил нас. Он расплатился за наши недостатки. За наш грех рассчитался. И благодаря этому мы уже больше не моавитяне, не отверженные, не язычники. Он принял нас в Свою семью, усыновил и удочерил нас, и теперь мы называемся детьми Божьими.

* * *

А теперь я расскажу вам, чем кончилась история Руфи. Старейшины засвидетельствовали сделку, Вооз ушел от городских ворот с актом на землю и обручальным кольцом для Руфи (шутка, колец у них не было), и они с Руфью стали мужем и женой. Скоро Руфь забеременела. Родился мальчик. Его назвали Овид.

Потом в Библии сказано, что бабушка Ноеминь очень внуку радовалась. Это та самая Ноеминь, которая была вся в депрессии, которая ни на что уже не надеялась! И вот она в родном городе, с богатым зятем, и нянчит чудесного малыша-внука.

Если перемотать ленту на сколько-то там лет вперед, во времена царя Давида, можно себе представить, как Давид говорит своим детям: "А вот послушайте-ка историю. Это не выдумка. Так оно и было. Давным-давно, в городе Вифлееме..." и он рассказывает историю Ноемини, Руфи и Вооза. И когда он доходит до конца истории, когда на коленях у Ноемини сидит внук, царь Давид улыбается и говорит: "И этот малыш вырос... и стал моим дедушкой!" Вот такими вот причудливыми путями Бог спас Ноеминь и Руфь. Он не дал прерваться роду, из которого потом родился царь Давид. А еще через много-много лет, из того же городка, из того же рода, появился на свет и Христос. То есть получается, что Бог через моавитянку, язычницу, принес в мир искупление. Он использовал в Своем плане отверженных мира сего, чтобы *спасти* этот мир!

* * *

Вооз искупил Руфь, Христос искупает нас. Руфь была беспомощна и себя спасти не могла. Ей приходилось уповать на милость того, кто для нее был, по сути, существом с другой

планеты. Мы тоже беспомощны и тоже себя спасти не можем. Нам приходится уповать на милость Того, Кто нам неподвластен, Кто все видит, Кто все может, с Кем мы никак не могли бы и надеяться иметь что-то общее. Нам ничего не светит. Но Он полон сострадания к нам. И Он идет на эту великую сделку ради нас. Потому что Он нас любит. И слава Богу за это!

5

А У ТЕБЯ ХОРОШАЯ ПОРОДА

"А у тебя хорошая порода".

Так мне сказала одна девушка в мою первую неделю в колледже. Она была старшекурсница, поэтому я ей поверил – старшекурсники знают, что говорят. Нет, шучу. Я просто обалдел – раньше таких комплиментов мне никто не говорил. У меня хорошая порода? Я что, конь породистый или племенной бык какой?

А оказывается, она знала мою семью и вообще мы с ней были практически родня. Еще до второй мировой войны из Европы в Америку переселились трое мужчин. У одного из них было двое дочерей. У другого были сыновья. Каждая из дочерей вышла замуж за одного из этих сыновей. Один из этих сыновей был дядей старшекурсницы. Другой – моим дядей. Мы занимали совершенно идентичное положение на противоположных ветвях одного и того же фамильного древа. И вот это-то, по ее мнению, значило, что с породой у меня все в порядке и ей со мной можно встречаться.

Сначала мне было обидно, что кто-то меня оценивает по моей родословной. Нет, я с ней, конечно, встречался, старшекурснице же отказывать нельзя. Но эта "породистость", хоть бери ее в кавычки, хоть из кавычек доставай, дело скользкое. Стоит ли о ней вообще говорить?

Что (или кто) из тебя выйдет? Можно ли посмотреть на твою маму и твоего папу и предсказать твое будущее? Может быть, для того, чтобы разобраться, что ты за птица (или зверь), нужно глянуть на твое генеалогическое древо и посмотреть не только, что у тебя за мама с папой были, но и в дедушках с прадедушками покопаться? Насколько нас формирует наша родословная? И сколько из того, что *творили* твои предки, вылезет наружу в твоём собственном *поведении*? Что списывать на происхождение, а что на воспитание?

Иногда я что-то говорю или делаю и не могу удержаться, чтобы не сказать: "Так это ж мой папаша! Я становлюсь таким же, каким был он!" Иногда я кладу трубку телефона и понимаю, что только что разговаривал точно так же, как моя

мама. И что из этого передалось мне просто по хромосомам, от родителей унаследованным, а что я усвоил в процессе подрастания, воспитания, подражания?

Иногда я смотрю в зеркало, готовясь "выйти в люди", и вдруг понимаю, что к старости лицо мое потихоньку преобразается в лицо моей бабушки! ДНК, однако! *И ничего тут не напишешь!* А иногда сижу я в комнате, полной людей, особенно, когда там и детей еще полно, и вдруг переносюсь на Восточную 59-ю улицу в Чикаго, в нижний цокольный этаж дома моих бабушки и дедушки, и до меня доходит, что сегодня я в моей мизансцене играю в точности ту же самую роль, которую полвека назад в той мизансцене играл мой дедушка. Гены? Воспитание? Не знаю, не знаю... но нет сомнений, что от дедушки что-то ко мне перешло.

У вас с есть проблемы, которые вам достались с наследственностью? Аллисон Кларк вот уже примерно месяц не может привести в норму свое давление. Почему? Что у нее сейчас, какие-то стрессы особенные пошли? Нет. Не больше обычного. А дело в том, что в ДНК что-то у нее про давление записано. Потому что практически все ее родные имели проблемы с повышенным давлением. Теперь пришла ее очередь. Мы предрасположены к разным проблемам потому, что у нас что-то где-то числится в родословной. Сердечно-сосудистые заболевания, рак, обжорство, ожирение... кому-то из нас, может, очень и хотелось бы поменять свои фамильные болячки на чьи-то чужие. Но не поменяешь! Гены есть гены.

У моей жены трое братьев. Они все живут далеко, так что мы редко видимся. Но когда мы с ними все-таки видимся, мне бывает не по себе, когда я вижу *мужчин*, которые похожи на мою жену, говорят, как моя жена, и поступают, как моя жена. И рот у них такой же самый, и глаза так же прищуриваются, и смеются они точно так же. Тут уж никак не усомнишься, что этих четверых нарезали из одного куска материи. ДНК. И хотел бы усомниться – не получится. Но когда к ним присмотришься и прислушаешься побольше, то поймешь, что у них даже и чувство юмора какое-то одинаковое. А это что, тоже ДНК? Сколько тут просто от привычки, от того, что их научили над чем-то смеяться? А сколько от того, что хромосомы их убеждают в том, что вот это смешно, а вон то нет?

У некоторых из нас в родословных есть злодеи и другие непрезентабельные личности. У кого-то предки формально преступниками не были, но всего только по одной простой

причине: потому что не попались, пронесло. Моя мать мне сообщила, что у меня, вполне возможно, по всему северо-востоку штата Огайо теть, дядь и двоюродных братьев с сестрами, о которых я так никогда и не узнаю, немеряно, потому как ее отец кое-чем в свободное время увлекался. У некоторых из нас фамильное древо кишит неудачниками, слабаками и середняками. Кто-то вырос на стволе древа, которое регулярно плодоносило нахалами, проходимцами и эгоистами. А кто-то из нас может сказать: "Знаете что? Если честно, в моем родословии не за что зацепиться. Никто из моих предков ничем никогда не прославился, никто себе имени не сделал. Люди были простые как грабли". Наши родители порой вбухивали деньги, куда не следовало бы. Порой со здоровьем, то есть с лечением чудили так, что сами себя и загубили. Или просто были люди слабые, безвольные, которые решали в каком-то деле ничего не решать... и это нам передалось по наследству. Разве вы не думали в детстве и юности: "Ну уж я все буду делать не так, как мои родители"? А теперь прошли годы, и разве вы не становитесь все больше и больше похожи на своих родителей чуть ли не во всем?

Родословие очень много значит. Очень многое от него зависит. Вот видите, я не очень-то хорошо думал о той старшекурснице, которая людей ценила по породе, а ведь мы, когда с кем-то знакомимся, а потом знакомимся с их детьми, сразу ищем, чем дети похожи на своих родителей. Так постоянно случается, когда людей берут на работу. *Так я же знал твоего отца!* У нас был режиссер Фрэнсис Форд Коппола, а теперь есть режиссер София Коппола. Мы ожидаем, что дети будут в чем-то такие же, какими были их родители.

– *А как вы стали медсестрой?*

– *Так у меня мама была медсестрой.*

– *А почему вы начали заниматься типографским делом?*

– *Понимаете, у отца была типография.*

Точно так же бывает и с качествами негативными:

– *Как же это он стал наркоманом?*

– *Так у него ж и отец, и мать сидели на игле.*

Когда мне нужно сделать вывод о том, кто чего может стоить, я инстинктивно обращаюсь поочередно к разного рода надеждам, ожиданиям. Если то, что мы называем "породой", у тебя подкачало, то я, по крайней мере, буду надеяться, что у тебя был "хороший пример для подражания". А ты вот получил хорошее образование. А тебя неплохо воспитали родители.

И мне нужно не обижаться на то, что старшекурсница мою "породу" признала хорошей, а исповедоваться, что если я собираюсь нанять кого-то, кто, скажем, должен будет присматривать за двумя моими подростками пару недель, пока мы с женой отлучимся из города, и вы ко мне приходите, а я узнаю, что у вас и родители были наркоманы, и бабушка с дедушкой баловались наркотиками... я очень долго буду думать, прежде чем соглашусь вас взять на это дело. Гораздо больше шансов получить у меня эту работу будет у тех, чьи родители работали в суде или в полиции. Финансами занимались. Лесом торговали! Скот разводили! Чем угодно занимались!

Недавно в статье в журнале "Тайм" (17 января 2005 г.) было сказано, что есть доказанный на опыте способ помочь детям стать нормальными взрослыми – "воспитывать их родителей". Когда неумелых родителей обучают искусству воспитания детей, "включая занятия по развитию ребенка" и "по умению разговаривать с детьми, конструктивно разрешать конфликты и правильно помогать ребенку делать домашнее задание", результаты получаются просто "поразительные". "У детей родителей, прошедших такое обучение гораздо меньше шансов совершить преступление или стать его жертвой, и больше вероятности, что они вовремя закончат школу".

Но даже более того – если вам не довелось иметь "хороший пример для подражания", то можно надеяться, что вы, по крайней мере, сможете сделать "правильный выбор". Вы преодолели последствия плохого воспитания, и плохие примеры для подражания вас не сбили с верного пути – вот у вас все и получилось. Если вы хотите получить работу по присмотру за моими подростками, я просто надеюсь, что вы мне не будете говорить, что какое-то время вы шли по той же самой дорожке, что и ваши родители, и успели попробовать все наркотики, что только есть на свете! Даже если у вас все сейчас в порядке, даже если вы уже десять лет наркотиков "ни-ни", я все равно могу насторожиться против своей воли. Может, я поступлю неправильно, но так уж оно есть. Родословная для нас много значит.

* * *

У большинства из нас не было возможности выбирать нашу семейную историю. Мы просто попали в какой-то конкретный поток людей и событий и с тех пор плывем в этом потоке, как можем. Единственный, кто мог историю своих предков

выбирать – это Иисус. Честно вам скажу, что если бы у меня была воля выбирать себе предков, кое-кого из своих дедушек-прадедушек я бы из списка повычеркивал недрогнувшей рукой. (У меня был один дядя в Новом Орлеане, который... ладно, вам этого знать не надо.)

У Христа тут было практически невообразимое преимущество: у Него была не только возможность устраивать события в прошлом Его семьи, но и прямой доступ к ДНК любого поколения Своих предков. Он мог в своем родословии гены тасовать так, как Ему было угодно. Он мог сделать так, что у каждого Его предка были все преимущества в смысле "выгодных" хромосом, все плюсы в смысле социальном, все возможные достоинства в смысле интеллектуальном, все задатки и таланты, которые только могли бы пригодиться.

Но Христос, судя по всему, такой мой подход отверг решительно и бесповоротно. Если взглянуть на Его родословие, то может показаться, что Христу не было никакого дела до Его генеалогии... Невнимательный Он к этому был, что ли? У Него в предках было больше никуда не годных людей, чем у меня! Когда Бог взялся выпустить в свет историю жизни Христа, первую книгу Нового Завета (первое из четырех Евангелий), то Он в самой первой главе, самом первом предложении подробно фиксирует родословие Иисуса. И это вроде какая-то ужасная стратегическая ошибка, если цель этого родословия была в том, чтобы людей поразить... потому что ну никак оно не поражает.

Бог вдохновляет Матфея, автора этого первого Евангелия, *обойти вниманием* некоторые выдающиеся личности... он не упоминает жену Авраама, Сарру, мать народа израильского; он не говорит ни слова о Ревекке, жене Исаака; нет ни словечка о Рахили, жене Иакова. В Писании раз тридцать пять сказано "Бог Авраама, Исаака и Иакова", но ни одна из жен этих троих великих мужей, которых принято считать женами святыми, не попала в первое официальное родословие Христа!

А с другой стороны, в это родословие попала Вирсавия.

Так я вам расскажу про эту Вирсавию. Это замужняя женщина, которая спит с царем Давидом. Она от него беременеет, он пытается заманить домой ее мужа, чтобы потом выдать ребенка за законного, а когда это у него не получается, он организует убийство мужа... а через много лет, когда Вирсавия уже давно как царица, а Давид готовится к смерти, она идет на поводу у одного из сыновей Давида, который хочет захватить престол вопреки желанию самого Давида. Трудно

охарактеризовать Вирсавию как женщину достойную, не говоря уже о том, чтобы называть ее "святой"!

Я бы ее в свою родословную не вписал. А Иисус вписал.

Еще у Матфея упомянута Рахава. Так я вам и про Рахаву расскажу.

Последние две недели, как вы знаете, мы говорили о Ноемини и Руфи... и Руфь стала прабабушкой царя Давида, таким образом тоже войдя в родословие Христа. Удивительно, что язычница Руфь занесена в генеалогическое древо Христа. Вы могли бы сказать: "Ну, так она ж вышла за хорошего человека, израильтянина по имени Вооз". Но сам Вооз от кого появился на свет? А от этой самой Рахавы. А Рахава, пожалуй, самая известная блудница во всей Библии.

Помните историю, как "обрушилась стена Иерихона до своего основания"? Иерихон был большой укрепленный город, который Бог повелел израильтянам завоевать. Но завоевать Он его велел не просто обычной военной осадой или штурмом. Он приказал евреям семь дней раз за разом обходить город кругом. Вот уж, наверно, насмеялись над этими "обходами" жители Иерихона с городских стен. Но на седьмой день стены с грохотом рухнули, и вошло в город войско израильское и истребило все население этого несправедного города. Были убиты все, кроме одной-единственной семьи. Семьи Рахавы.

Почему? А потому, что чуть раньше, когда в город пришли на разведку израильские шпионы, они спрятались в доме у Рахавы. Она их укрыла в своем жилище, а когда пришла местная полиция, сказала: "Вон туда они пошли!" Так вот спаслись те израильтяне-разведчики.

И это было единственное доброе дело, которое осталось после Рахавы в истории. Обычным же ее занятием было предоставление за деньги сексуальных услуг. Святостью не особо чтобы пахло! Но у Рахавы родился сын, и сын этот был Вооз, и стал этот Вооз прадедушкой царя Давида.

Я бы Рахаву в свою родословную тоже не вписал. А Иисус тоже вписал.

Но самый странный выбор из всех – Фамарь. Счас я вам расскажу и про Фамарь.

Вы слышали фразу "двенадцать колен Израилевых", правда же? Речь тут идет не просто о народе израильском. Израиль был сначала не народ, а человек. Такое имя Бог дал Иакову. А двенадцать колен Израилевых – это двенадцать сыновей Иакова, или, если точнее, десять сыновей и два внука.

Одного из сыновей звали Иуда. В **38-й главе книги Бытие** нам сказано, что он женился на чужестранке, хананеянке, и она ему родила троих сыновей. Мальчики выросли. Когда подросток первый сын, отец подыскал ему жену. Звали ее Фамарь. Но этот молодой человек оказался таким неугодным Богу (мы даже не знаем из Библии, что же он такое делал, сказано просто, что был негоден Богу), что Бог его просто умертвил.

Тогда по обычаям того времени (о которых мы с вами узнали в последние недели) Иуда передал молодую вдову своему второму сыну. Но этот парень не хотел, чтобы у него появлялись дети, которые все равно считались бы не его детьми, но права на наследство имели бы такие же, как и те, которых все бы признавали его собственными наследниками. И он действовал втихомолочку. Он не сказал: "Я так не хочу". Вместо этого он вел двойную игру – и вашим, и нашим. Можно сказать, что этот сын Иуды практиковал древний вариант "планирования семьи", о котором мне не очень-то хочется распространяться – возьмите и сами прочитайте в 38-й главе книги Бытие, если хотите. Но, как бы там ни было, в очах Господа это было зло, и вскоре умер и этот сын.

Иуда убит горем. Он похоронил двоих сыновей, и остался у него всего один сын. Младшенький. Ему еще жениться рановато. И, честно говоря, Иуда боится, что даже если этот вырастет и он его сведет с Фамарью, то и третье дитя умрет. Иуде кажется, что на этой хананеянке лежит страшное проклятие!

Поэтому Иуда тоже пускается на хитрость (сын его в этом, наверно, чист). Иуда заверяет Фамарь (а ведь она тоже, пожалуй, горевала – один муж у нее умер, а второй по большому счету ей так мужем и не стал), что он все сделает, как положено. Она может пока пожить у своего отца как вдова (то есть так, чтобы носить одежду вдовы и вести себя по-вдовьи), а когда мальчик подрастет, они смогут пожениться.

Фамарь идет на такой договор. Но мальчик подрастает, становится мужчиной, но ничего не происходит. Ни тебе помолвки, ни свадьбы. А годы летят... Фамарь застряла в доме своего отца и никак не может избавиться от вдовьего фасона.

Проходит так много лет, что умирает жена Иуды, который и сам уже староват. Еще одни поминки, еще одни похороны – Иуде снова приходится все это переживать. Но потом он приходит в себя, жизнь возвращается в нормальное русло, и

Иуда решает отправиться с другом Хирой в одно место. Место это называется Фамна.

Фамари сообщают, что ее свекор идет в Фамну, и она решает организовать в отместку уже свой розыгрыш, с переодеванием. Так уж случается (надеюсь, вы меня не сочтете слишком неделикатным), что у Фамари как раз тогда был период овуляции. Итак, она снимает вдовье облачение и надевает одежду в другом духе: на время притворяется блудницей. Униформа женщин этой профессии в то время включала в себя покрывало (типа вуали), так что никто, глядя на нее, не мог узнать, что это была Фамарь. Она идет на полустанок на пути к Фамне и ждет.

Мимо проходит Иуда, замечает жрицу любви и решает сторговаться насчет оказания интимных услуг. "Чем заплатишь?" – спрашивает его Фамарь. Иуде наличные тратить не хочется, поэтому он предлагает то, что тогда ценилось не хуже наличных: козленка из его стада. "Пойдет, – отвечает Фамарь. – Но козленка-то у тебя с собой нету. Это как в кредит получается. Откуда я знаю, что ты мне этого козленка потом отдашь?" "Так что тебе дать в залог?" – спрашивает Иуда. "Давай свою печать, перевязь и трость", – отвечает она.

В то время солидный человек носил с собой печать на случай подписания какого контракта. Печать была цилиндрической формы с выгравированными на ней знаками. Тогда бумаг никто, как сегодня, не подписывал, а люди просто перекатывали такой цилиндр по документу из незатвердевшей глины, и это была та же самая подпись. Печать носили на перевязи, которая висела на шее. На трости тоже были опознавательные знаки ее хозяина. Это был тоже "документ", подтверждающий чью-то личность и серьезность намерений владельца этой трости. Печать плюс трость того времени в переводе на нынешние понятия – это то же самое, что два удостоверения личности с фотографиями.

Итак, Фамарь говорит: "Пока не отдашь козленка, оставь мне в залог печать, перевязь и трость". Сдается мне, мысли у Иуды на тот момент уже завихрились-заклубились, и думал он уж никак не о печати и не о трости. Отдает он Фамари свои опознавательные знаки, и они приступают к совершению того акта, за который Иуда козленком и обещал расплатиться.

Закончив дело, Иуда отправляется дальше на Фамну, а потом через своего друга Хиру отправляет должок, чтобы вернуть свою печать, перевязь и трость. Но Фамарь снимает

"вуаль", снова надевает вдовье одеяние и возвращается к отцу. Когда Хира появляется с козленком на том месте, где у Иуды произошла интимная встреча, там никого нет.

Хира спрашивает у местных: "А где та блудница, что здесь обычно ошивается?" "Что? Тут никаких блудниц никогда не было. Вы о чем, дядя?"

Хира возвращается к Иуде и докладывает: "Тут небольшая проблема получается". И он рассказывает обо всем Иуде.

Что тут может сделать Иуда? В розыск не подашь, трубить на всю округу о таком деликатном деле никак нельзя. Лучше помолчать, говорит он Хире, иначе нам прохода не дадут, опозорят до конца жизни. (Хира, наверно, тут подумал: "Не понял... Не "нам", а "вам", дружище! Я-то всего только козленка доставил, а кто-то кувыркался на старости лет с кем не попадя".)

Жизнь снова вроде как нормализуется. Но проходит несколько месяцев и разносится слух: Фамарь беременна. Мужа нет – так что прелюбодейние не нужно доказывать, оно налицо.

По законам того времени судьба Фамари в руках Иуды. Он даже не посылает за Фамарью. Ему даже не нужно с ней говорить. Он видит, что "нет человека – нет проблемы". Им с сыном можно вздохнуть спокойно и не бояться заклятий и проклятий "черной вдовы". К тому же можно заработать в глазах окружающих репутацию мужа твердой веры, нетерпимого к любым проявлениям разврата.

И недогнувшими устами Иуда выносит невестке самый суровый приговор: **"Выведите ее, и пусть она будет сожжена"** (Быт. 38:24).

Но у Фамари-то на руках документы. **"Но когда повели ее, она послала сказать свекру своему: "Я беременна от того, чьи эти вещи". И сказала: "Узнавай, чья эта печать и перевязь и трость"** (Быт. 38:25).

Иудина песенка была спета. Отрицать что-то было бесполезно. **"Она правее меня"**, – признался он (Быт. 38:26). И открылся: рассказал, что не дал ей стать женой своего третьего сына.

Но она-то сама что сделала! Во-первых, пошла на обман, а во-вторых, вступила в интимную связь со свекром!

Нет, я бы Фамарь в свою родословную не включал. А Иисус ее в Свою родословную вписал.

Бог даже пошел на крайние меры, чтобы через Фамарь ход событий подправить, направить туда, куда Ему было угодно. У Фамари родились близнецы, и Бог хотел, чтобы семейную линию продолжил один из этих близнецов. В то время очередность рождения, первородство имело особое значение. Поэтому, чтобы не было вопросов (а с близнецами в тех условиях, в которых тогда принимали роды, такие вопросы появились бы обязательно), повивальная бабка обычно повязывала нить на руку тому из младенцев, который первым появлялся на свет из лона матери.

Когда родовые схватки у Фамари подходили к концу, один из сыновей высунул наружу руку. Этот ребенок готов был вырваться на волю и вот-вот должен был появиться весь.

Повивальная бабка не теряла времени. Она повязала на показавшемся запястье красную нить. Но тут в лоне началась борьба, ручка с нитью снова исчезла из виду, и мгновение спустя оказался мальчик... но уже другой, у которого на руках ничего не было. Пока тот, который прорвался на стартовую позицию первым, разворачивался для последнего рывка, его брат проскользнул мимо него... и стал первенцем.

Его назвали Фарес, что значит "разрыв, прорыв". (Второго, который вроде как уже был первым, назвали Зара, то есть "заря", или "красный".) В то время, чтобы иметь какие-то шансы на карьеру, нужно было родиться первым. Но Бог сделал так, что тот, кому суждено было стать вторым, все-таки получил права первородного.

* * *

И что же мы имеем?

А имеем мы то, что Христос водится не только с людьми благополучными, святыми, правильными. Он выбирает не только богатых, сообразительных или мудрых. Когда Он подбирал Себе предков, Он не держался одной нации, одного религиозного течения или одной страны. Он не гнушался людей никчемных и презренных.

Когда Он очерчивал круг Своего родословия, Он хотел дать мне понять, что и у меня есть шанс туда войти. Если я родился в неблагополучной семье, для Него это вовсе не повод меня списать со счетов. Мое труднообъяснимое прошлое в делах интимных Ему не помеха. То, чем я зарабатываю на жизнь, для Него не преграда.

Если у меня порода не самая лучшая, Христос ко мне все равно нормально относится. Даже если я из хорошей породы,

но всю жизнь имел не самые лучшие примеры для подражания, Он и тогда на моей стороне. А что если у меня примеры были хорошие, но я с этих примеров примера не брал? И в этом случае Он меня любит. А если я и сейчас не беру примера с хороших примеров? Если у меня и сейчас в биографии клякса ставится на кляксе? Если у меня и теперь нечем похвастаться? И при всем при том Он все-таки за меня.

В свое родословие Он специально вписал чужестранцев, язычников, блудницу, прелюбодеев, блудодеев, незаконнорожденных детей и их родителей, обманщиков, злодеев и их жертв, скандалистов, нарушителей неписаных законов, изгоев, чудаков, людей никак не святых ни в каком приближении... чтобы я мог быть среди своих. Он-то Своего все равно добивался, Свой замысел приводил в исполнение... но ради моего же блага делал это через людей самых обыкновенных. И даже, можно сказать, хуже, чем обыкновенных. Людей проблемных. Надломленных. Отвратительных. Людей таких, к которым мы с вами относились бы с подозрением. Людей, которых мы с вами избегали бы.

Богослов Реймонд Браун сказал: "Бог кривыми линиями пишет прямо". Наши судьбы, говорит он, даже если они ничего ни для кого не значат и ничего в них нет, также важны для того, чтобы продолжалась история Боговоплощения, история Христа. И он добавляет: "Бог, Который без колебаний использовал как людей благородных, так и прохиндеев, как души чистые, так и нечистые, как мужчин, которых, затаив дыхание, слушал весь мир, так и женщин, на которых весь мир смотреть не мог без содрогания... этот Бог продолжает работать с той же смесью".

Если христианство только для чистых, талантливых, хороших, смиренных и честных, то не для меня оно, это христианство. Но, как написал католический священник отец Рональд Хайзер: "История Иисуса Христа писалась и пишется по сей день людьми нечистыми, грешниками, расчетливыми подлецами, гордецами, людьми бесчестными и бесталанными".

И вот к какому выводу он приходит: "Никто не может быть слишком плох, слишком ничтожен, слишком бездарен или слишком далек от веры, чтобы не иметь шансов попасть в историю Христа".

Я в этой истории! Фил Уэрр в этой истории! Джоди Белинда! Для Скотта Никсона в ней нашлось место! Для Юрия

Смирнова! Для вас! Вы туда попали! Вы в истории жизни Христа!

И дело-то ведь не в том, что Иисус чего-то не учел, когда Ему пришлось организовать Свое родословие. Он все очень хорошо учел. У Него в этом родословии люди ни на что не годные и никому не нужные, преступники, негодяи, развратники и личности самые что ни на есть серенькие и невзрачные – и все для того, чтобы мы с вами чувствовали себя среди них в своей компании. Он нам говорит: "Я с вами. Милости прошу в Мою семью". Вход в нее не закрыт ни для кого. Какой бы вы ни были породы. В этой семье могут усыновить или удочерить каждого и каждую.

* * *

Знаете, у меня немного есть опыта усыновления. Сын мой, например, родился у бродяги за неделю до рождества в 1990 году. Она добралась до больницы и родила ребенка. Ее спросили, как она хочет его назвать. Она сказала: "Пол". А потом добавила: "Найдите ему, пожалуйста, хорошую верующую семью". И через день после рождения мальчика мама его исчезла в неизвестном направлении. Мы ее искали, давали объявления в газеты, но... "ищи ее, свищи ее".

Потом наступил день, когда в суде рассматривалось дело о его усыновлении. Когда были получены ответы на все вопросы, на которые закон требует ответа, судья подписал какие-то бумаги и вручил нам документ. И знаете, что это был за документ? Свидетельство о рождении. Новенькое свидетельство о рождении. В нем стояла фактическая, настоящая дата рождения ребенка, но имя этого самого ребенка было другое, то, которое ему дали мы: Кристофер. А там, где должно было быть имя его отца, было написано: "Даг". А где имя матери – "Кристина".

Усыновление стирает многое из вашей прошлой жизни и дает вам возможность все начать сначала. Оно дает вам новую семью. Сказано, что Бог нас "усыновляет", делает Своими детьми **"через Иисуса Христа, по благоволению воли Своей" (Еф. 1:4, 5)**. Но Божье усыновление – это не только акт юридический, оно достигается не просто получением в суде документа. Оно осуществляется **"Кровию Его" (Еф. 1:7)**. Вы становитесь частью Христовой родословной. И это не простое совпадение. Христос говорит, что Он нас выбирает **"по определению Совершающего все по изволению воли Своей" (Еф. 1:11)**.

Мне не важно, откуда вы пришли, говорит Он. Мне не важно, от кого вы пришли. Не важно Мне, кто говорит, что вам нельзя в Мою родословную. Надо только, чтобы лично вы услышали, что вы Мне нужны, и поверили, что Я вам говорю правду. И Я вас тогда усыновляю самым главным усыновлением, Я полностью меняю всю вашу кровь, и вы становитесь Мне кровными родственниками. И в этот самый момент вы уже в нем, в моем родословии.

Ефесянам 1:

13 В Нем и вы, услышав слово истины, благовествование вашего спасения, и уверовав в Него, запечатлены обетованным Святым Духом,

14 Который есть залог наследия нашего, для искупления удела Его, в похвалу славы Его.

С этого самого момента у вас "хорошая порода". Прошлое ваше выкуплено, переписано. Христос творит из него благо, каким бы злом оно ни было. Вы теперь часть Христова родословия. Вы прощены. Вы куплены. За вас уплачен выкуп. Вы свои Христу.

6

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ СИНАТРЫ

Друзья мои, у меня для вас есть новость. Хорошая новость. После церкви сегодня вечером мы все отправимся к Патрику и Лизе Харви. Еды там будет море, веселья тоже море, и, кроме того, у них нам можно будет остаться на ночь. Переночевать можно у них будет. Дом у них хороший, вы сами увидите, какая Лиза хозяйка, как у нее все чисто и аккуратно. Она к нашему визиту готовилась и напекла для нас для всех домашнего хлеба, настоящего, без всяких там полуфабрикатов. Хлеба этого тоже будет море! Потом она пошла на самый настоящий "живой" базар и купила самую настоящую живую свинью. Свинью прирезали, приволокли домой, разрезали на части и дня два жарили-парили. Нажарили такого, что ой-ой-ой! А известно ли вам, что все белье в доме самолично соткала сама Лиза? А в довершение всего, если у кого-то из нас оторвется пуговица или нужно будет что-то зашить, пока мы будем у семьи Харви в гостях, Лиза все сделает в лучшем виде, не извольте беспокоиться.

Правда, есть одна маленькая проблема: у них в доме нет водопровода. Но Лиза и эту проблему решит. Она наносит воды и для питья, и для кухни, и для мытья посуды, и для мытья людей, и для стирки, так что мы ничего даже и не почувствуем. Посуду она все равно моет вручную. Стирает тоже руками. И так она всегда делала, даже когда растила двоих своих сыновей.

Вот почему мы сегодня вам в нашем сериале про "отчаявшихся домохозяек" представляем Лизу!

Ха-ха-ха! Шутка. Не пойдем мы к Харви после церкви. И все, что я тут вам наговорил, полная брехня... кроме того, что дом у них и правда чудесный, чистый и аккуратный. Но то, что я наговорил, никакая не брехня, если все это применить к условиям, в которых жила во время земной жизни Иисуса Христа Марфа.

Марфа жила с братом Лазарем и сестрой Марией... это не та Мария, которая мать Иисуса, и не Мария Магдалина, это та женщина, про которую мы часто говорим "Мария из Вифании", потому что эти две сестры и брат жили именно в Вифании.

Деревенька Вифания разрослась, но до города так и не доросла. От нее до Иерусалима по иерихонской дороге (на восток от столицы) было километра три с хвостиком. Красивое, наверно, было место. Деревня лежала на склоне горы Елеонской, повсюду были оливковые рощи и луга, на которых паслись стада овец.

Все дороги в Израиле вели в Иерусалим, и когда люди сходились в столицу на праздники, им было очень удобно останавливаться в Вифании. Так что, когда Христос подружился с Марией, Марфой и Лазарем и они Его стали принимать у себя дома, Он от этого, ясное дело, не отказывался. Частенько, если путь Иисуса и учеников лежал через Вифанию, они останавливались в этом доме.

Но работы тогда было выше крыши! Вот тут-то все то, что я вам рассказал про нашу несбывшуюся ночевку у Патрика и Лизы, можно смело приложить к делу. Тут даже со всеми современными чудесами техники и удобствами, которые у Лизы имеются в наличии, и то было бы дел невпроворот. Но обычно женщины в то время действительно сами пекли для своей семьи хлеб, сами каждый день покупали мясо, поскольку холодильных устройств практически никаких не было, сами делали и чинили ручную одежду (даже и не думайте, что можно было забежать в магазин и прикупить там пару новых брючат), каждый тень таскали из колодца воду, стирали все не машинами, а руками.

А еще в то время было строго расписано, кто что в семье делает. Были дела чисто женские и чисто мужские. У мальчиков была своя работа, у девочек своя.

Но Марфа так жить привыкла и с хозяйством вполне справлялась. Сказано, что когда Иисус пришел в селение, именно **"женщина, именем Марфа, приняла Его в дом свой"** (Лк. 10:38). Вот что говорится в Писании:

Луки 10:

38 В продолжение пути их пришел Он в одно селение; здесь женщина, именем Марфа, приняла Его в дом свой;

39 у нее была сестра, именем Мария, которая села у ног Иисуса и слушала слово Его.

40 Марфа же заботилась о большом угощении и, подойдя, сказала: "Господи! Или Тебе нужды нет, что сестра моя одну меня оставила служить? Скажи ей, чтобы помогла мне".

**41 Иисус же сказал ей в ответ: "Марфа! Марфа! Ты
заботишься и суетишься о многом,**

**42 а одно только нужно; Мария же избрала благую
часть, которая не отнимется у нее".**

В наше время важнее *делать*, чем *быть*. Мы спрашиваем: "Как дела?" и никогда не спрашиваем "Как бытие?". Когда мы говорим ребенку "Ну, кем ты будешь, когда вырастешь?", на самом деле мы имеем в виду "Что ты будешь *делать*, когда вырастешь?". Разве не удивились бы вы, если бы спросили мальчика-подростка: "Кем ты будешь, когда вырастешь?", а он бы взял и ответил: "Мужчиной, а кем же еще?"

Я как-то раз был в одной компании, так там в большой комнате собралось много народу и никто друг друга не знал... и хозяин объявил интересное правило: нужно было продержаться до конца, не спросив никого, чем человек занимается "по жизни", какая у него профессия. А если вас кто-то об этом спрашивал, вам нельзя было на такой вопрос отвечать. Просто с ума можно было сойти. Ведь когда мы с новым человеком знакомимся, мы чуть ли не сразу спрашиваем: "*Чем вы занимаетесь? Что у вас за работа? Чем вы зарабатываете себе на жизнь?*" У нас даже язык весь исковеркан в угоду таким понятиям. Мы ставим знак равенства между тем, что *делаем, работой* своей, и самой жизнью.

Я бы хотел, конечно, эту тему опустить, потому что не владею я ей... я хотел бы, чтобы у нас в "Компасе" речь шла исключительно о том, в чем я настоящий дока, чтобы я на вас, маленьких людишек, смотрел свысока и учил бы жизни... то есть учил бы, как вам стать больше похожими на меня! Но, к сожалению, Бог и наш старший пастор Дэвид Браун против меня иногда сговариваются, загоняют меня в угол и заставляют браться за такие темы, в которых я пасс и полный ноль. Вот вам одна из них. Те, кто меня знает хоть пару дней, прекрасно видят, что я как рыба в воде себя чувствую среди *дел* и не очень уютно – среди *людей*. Чтобы вести себя в этом смысле более-менее прилично, мне нужно очень сильно стараться.

Как-то раз (уже давновато) моя знакомая Сари Льюис мне сделала специальную шапочку, чтобы помочь с моей бедой справиться. Простая бейсболка это была, но козырька у нее было два – один впереди, а другой – сзади. На одной стороне кепки было написано ДЕЛА, а на другой – ЛЮДИ. Вот так вот Сари хотела мне по-дружески напомнить, что у меня бывает перебор с делами и недобор с общением со мне подобными.

(Не помню точно, но, кажется, я эту кепку потерял. Может, как-то так случилось, что я нечаянно на нее наступил, от чего она разорвалась на мелкие кусочки, а потом задумался и, сам того не заметив, спалил бейсболочку с двумя клювами и пепел развеял по шоссе на большой скорости!)

Шекспир вложил в уста Гамлета великий вопрос: "Быть или не быть" (Ту би ор нот ту би). Речь шла о жизни, о бытии, о существовании. Но человечество размышляет еще и над тем, насколько *быть* означает по сути *делать*. Философ Фридрих Ницше сказал, что *делать значит быть*. Философ Иммануил Кант сказал: *быть значит делать*. А Фрэнк Синатра спел: "Ду-би-ду-би-ду". "Ду" по-английски "делать", "би" – "быть". Кому верить?

Если честно, я больше живу по Евангелию от Фрэнка Синатры, чем по учению Канта или Ницше или по мукам душевным Гамлета. Я нюхом, инстинктом жизнь воспринимаю как цикл, где то "ду", то "би", то "делать", то "быть", а потом опять все сначала. Сначала я *делаю*. Действую я. Какую-то выполняю задачу, что-то выделяваю. Делая, я *существую*. Я кем-то *становлюсь*, начинаю *быть*. *Быть* я могу только *делая*. Сделай, тогда будешь. Сделай что-то другое, и будешь кем-то другим. Я есть то, что я делаю.

Мне кажется, это очень логично. Я, конечно же, не есть то, что делает кто-то другой, а не я. Я не могу быть тем, чего я не делаю. И *ничего* не делать я тоже не могу. Как можно ничего не делать? Ведь человек всегда что-то делает, правда? Мне не нужно, чтобы кто-то мне подсказывал, что нужно что-то делать. Я и так делаю. Я живу в мире по Фрэнку Синатре: Ду, би. Делай, будь. Ду, би. Делай, будь. *Ду-би-ду-би-ду!*

* * *

Точно так же мы смотрим и на свои отношения с Богом. Что у нас значит быть "христианином"? Так в какую вы ходите церковь? Каким "служением" занимаетесь? Сколько страниц Библии в неделю разбираете? Сколько часов молитесь? Или давайте будем реалистами: сколько *слов* Библии мы читаем *в год*? Так-то оно почестнее будет! Сколько *минут* молитвы у нас набралось, скажем, со времен Горбачева? Вы христианин? Вы говорите, что любите Бога? Вы утверждаете, что живете по учению Христа? Так сколько вы делаете добрых дел? Ведь человек *делает* добрые дела, чтобы *быть* хорошим христианином... так ведь?

Но так думаем *мы*, это ход *наших* мыслей. Бог так не думает. Бога больше интересует, кто мы Ему есть, чем что мы для Него делаем.

Когда ко Христу пришел человек, который хотел узнать, что ему сделать, чтобы выслужиться перед Богом, Иисус ответил, что нужно делать два дела: любить Бога и любить людей. И дальше, как будто бы для того, чтобы уточнить, правильно ли мы Его поняли, Он поясняет: **"На сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки" (Мф. 22:40)**. Вы только посмотрите, какая важная штука каким-то непостижимым образом не попала в ответ Христа: послушание. В двух Великих Заповедях *ни слова* не сказано о послушании. Почему? А потому, что нельзя думать только о послушании.

* * *

Вслушайтесь, как властно и безапелляционно отвечает Иисус Марфе. Он ей просто перебивает на полуслове.

Луки 10:

41 "Марфа! Марфа! Ты заботишься и суетишься о многом,

42 а одно только нужно; Мария же избрала благую часть, которая не отнимется у нее".

Печально говорить, но Марфа делает те же ошибки, что и Даг Брендел. Во-первых, она волнуется, беспокоится, тревожится.

В идеале Бог для меня никакого беспокойства не предусматривал. Это пустая трата сил, поскольку Бог все видит, все знает, все держит в руках и твердо намерен обо мне заботиться наилучшим образом. В оригинале по-гречески здесь стоит глагол *merimnao*. Смысл его в том, что человек тратит свою интеллектуальную энергию на то, чтобы удержать свои заботы в поле внимания, как будто мозг – это мускул, а все заботы увязаны в мешок, и нужно напрягать этот мускул изо всех сил, чтобы мешок не выпал из рук и не развязался. *"Да бросьте вы этот мешок!"* – говорит Иисус. – Там у вас все равно всякая ерунда!"

Во-вторых, она расстраивается. ***В идеале Бог для меня никакого расстройств не предусматривал.*** Мне очень нравится здесь слово из оригинального текста: *turbazomai*. Живо представляешь себе, как Марфа носится на турбодвигателе. Человеку не сидится, человек не может дремать, ему постоянно нужно чем-то заниматься. Индира Ганди сказала: "Нам нужно научиться сохранять полное

спокойствие в вихре активности и предельную живость и бодрость в минуты отдыха".

В-третьих, она позволяет своей "деловитости" распространиться и на отношения с людьми, ее окружающими. Она разносит в пух и прах Марию, да еще при этом хочет, чтобы и Христос тоже Марии добавил за ее безделье. Беспокойство и суета – дело очень заразное. ***Беспокойство и суета тоже никак не вписываются в Божий для меня идеал.*** И Христос осекает Марфу, потому что такой подход не только не дает Марфе жизни радоваться, но и Марии жизнь отравляет. Если у меня взгляды на жизнь полны яда, то яд этот будет травить душу и тем, кто рядом со мной.

В-четвертых, Марфа тратит свои силы на то, что преходяще. ***А это совсем не идеальное для меня состояние с точки зрения Божьей – чтобы я тратил свои силы на преходящее.*** Нет, дело-то она делает хорошее, но дело, рассчитанное на "здесь и сейчас". Это чудесное угощение пройдет и не вспомнится. Прекрасный дом – это еще далеко не все в жизни.

В этом-то и заключается суть ответа Иисуса Марфе. Смысл жизни, то, что **"одно только нужно", "благая часть"** – это вовсе не действие. Речь не о том, чтобы что-то *делать*. Речь о том, чтобы *быть*. В моей жизни с Богом суть не в *послушании*. Суть в любви. ***А буду любить – слушаться буду само собой.***

* * *

И вот тут-то, к сожалению, у меня все "не так". Я могу Бога слушаться, но не любить. Я частенько так поступаю. Я просто исполняю то, что нужно, потому, что так нужно. "Дела"-то я делаю, но "бытия" у меня нет. И все получается без толку. А ведь Богу нужно совсем другое. Вот так и получаются у нас толпы злых христиан, которые высидивают положенное время в церквях, потому что думают, что так "положено", и жалуются на то, что церковь содержать очень дорого, потому что мы, *конечно же*, не "высидиваем" на церковной скамье никакого чувства благодарности и не думаем ничего на церковь жертвовать. Мы поем песни, потому что *всегда* так у нас было "положено", перебиваем косточки тем, кого мы не любим, потому что мы, *конечно же*, не понимаем, как Бог может быть доволен их поведением!

Так вот и взращивается самоправедность: когда человек поступает правильно из неправильных побуждений. Если я что-то хорошее сделал или чего-то нехорошего, наоборот, не

сделал, то я себя чувствую выше других. Если я вам служу из любви, я не буду оглядываться вокруг и сравнивать свое дело с делами других людей... я просто буду ради вас что-то делать и все. Но если я служу, чтобы на вас произвести впечатление, то для меня очень важно точно знать, что я вам помогаю *лучше*, чем кто-то другой!

Отсюда ноги растут и у стереотипного представления о "христианине-лицемере". Мы пытаемся произвести на Бога впечатление в воскресенье, а в субботу вечером живем совсем иначе.

Но это ж получается, что *мы как будто живем все еще в эпоху Ветхого Завета!* До того как пришел Христос (как видно из чтения истории Ветхого Завета), люди повиновались Богу, чтобы заслужить любовь Божью, и исполняли все, что "положено", чтобы знать, что Бог их любит. Но Иисус поставил отношения между Богом и человеком с ног на голову. Он сказал: "Да посмотрите же вы! Никогда у вас ничего не выйдет. Вы никогда не выполните норму по добрым делам, по религиозным ритуалам, никогда не будете идеальными существами. Всегда будет "недовыполнение" плана. Всегда вы будете понимать, что вы не дотянули до идеала. Глубоко в душе всегда будет неудовлетворенность. И вот что Я вам скажу: Я в это дело вмешаюсь и исправлю его "раз и навсегда". Я сделаю одно дело, которое снимет все проблемы... и вы тогда сможете вздохнуть полной грудью и расслабиться... и всю оставшуюся жизнь не "выполнять планы", а просто *быть*. Просто жить с Богом. Ведь именно это по большому счету Богу и нужно!"

И Христос пошел на крест... и с тех пор мы слушаемся Бога не для того, чтобы Он нас любил. Он нас уже любит... и мы Его слушаемся именно *поэтому*. Если я люблю свою жену, мои добрые для нее дела – это всего лишь побочный продукт этой любви. Если я смогу своего сына научить любить, мне не придется его учить быть послушным. Вот почему Павел пишет: **"Итак умоляю вас, братия, милосердием Божиим, представьте тела ваши в жертву живую, святую, благоугодную Богу, для разумного служения вашего"** (Рим. 12:1). Сначала идет милосердие. Именно понимая, что Бог милосерден, мы можем представить свои тела в жертву живую, а вовсе не для того мы их представляем, чтобы *получить* за это милосердие Божье.

Мы всегда и везде хотим чем-то Бога поразить. Мы хотим перед Ним выслужиться. Нам нужно, чтобы что-то такое сделать, от чего нам стало бы ясно, что Бог нам ставит хорошую оценку по поведению. Но пророк Исаия эту ложную идею хоронит заживо: **"Все мы сделались – как нечистый, и вся праведность наша – как запачканная одежда; и все мы поблекли, как лист, и беззакония наши, как ветер, уносят нас"** (Ис. 64:6). Бог на этот счет не оставляет сомнений... но мы все равно верим той лжи, что *мы каким-то образом Бога можем поразить своими делами*, тем, что мы делаем. Если я что-то буду делать, то Бог на меня обратит внимание.

Дела привлекают *наше* внимание – дела производят впечатление на *людей*. А Бога интересует совсем другое. Что именно Его интересует, понял псалмопевец Давид. Вот что он говорит Богу в 50-м псалме:

18 ибо жертвы Ты не желаешь, – я дал бы ее; к всесожжению не благоволишь.

19 Жертва Богу – дух сокрушенный; сердца сокрушенного и смиренного Ты не презришь, Боже.

Богу нужно мое сердце. Ему внимание мое нужно. То нужно, чего, честно говоря, я Ему практически никогда и не даю. Он хочет, чтобы я осознал и признал свою потребность в Нем (это и есть дух сокрушенный, это и есть сердце смиренное), Ему нужно, чтобы я возлюбил уже само то, что Бог всегда готов мне прийти на помощь. Что Он обо мне всегда заботится. Что Он великий "податель благ", источник всего доброго, что со мной случается, "исправитель" всего недоброго, что со мной приключается, с той целью, чтобы это недоброе стало в конечном счете источником такого добра, которого я себе и представить не могу.

Просто удивительно, что Сам Творец вселенной хочет быть моим другом. Помощником моим хочет быть. Но это так и есть. Так говорит Сам Бог:

"Ибо так говорит Высокий и Превознесенный, вечно Живущий, – Святый имя Его: "Я живу на высоте небес и во святилище, и также с сокрушенными и смиренными духом, чтобы оживать дух смиренных и оживать сердца сокрушенных" (Ис. 57:15).

"А вот на кого Я призрю: на смиренного и сокрушенного духом и на трепещущего пред словом Моим" (Ис. 66:2).

Видите? Бог оживит мой дух. Он **оживит** мое сердце. Он **призрит** на меня. *Если* я отдам мое сердце Ему.

Сердца людей – поле очень важной битвы. Христос сказал, что **"из сердца исходят злые помыслы, убийства, прелюбодеяния, любодеяния, кражи, лжесвидетельства, хуления"** (Мф. 15:19) и другие "веселенькие" грехи! Точка отсчета системы координат грехов – сердце. Стартовая площадка привычек – сердце. Бог не заикливается на моем поведении, потому что знает – раз у Него есть мое сердце, значит, все остальное – это уже "детали"! Война выиграна. Когда сердце мое поистине будет принадлежать Ему, когда я приму этим сердцем ту истину, что Он меня любит и обо мне заботится, когда я по-настоящему "поверю" в Него, *поверю* в эту реальность... тогда то, что сказал Иисус, будет относиться и ко мне: **"Кто верует в Меня, у того, как сказано в Писании, из чрева потекут реки воды живой"** (Ин. 7:38). Иначе говоря, из меня будет исходить доброе, потому что оно будет истекать из сердца моего. А начнется все с того, что я пойму и приму любовь Божью. С благодарностью за то, что **Бог мне дает Свои благословения не потому, что я что-то ДЕЛАЮ, а потому, что я кто-то ЕСТЬ.**

* * *

Мария это понимала. Марфа, кажется, не совсем... Пути Марфы еще дважды, как минимум, пересекались с путями Иисуса, и ее по-прежнему волновали дела. Календарь. Секундомер. А вот Мария прекрасно понимала, что в жизни главное, что вечное, что имеет самый глубокий, самый полный смысл.

Через несколько месяцев, когда Иисус снова был в Вифании, но в другом доме, Мария взяла **"алавастровый сосуд мира драгоценного"** и помазала им голову Иисуса, выразив этим свою веру в Него и преданность Ему. И Христос назвал это **"добрым делом"**. До распятия оставалось всего несколько дней, и Он видел пророческий смысл поступка Марии.

"Возлив миро сие на тело Мое, – сказал Иисус, – она приготовила Меня к погребению". А дальше Он добавил: **"Где ни будет проповедано Евангелие сие в целом мире, сказано будет в память ее и о том, что она сделала"** (Мф. 26:12).

Вот как смотрел на это дело Сам Христос: отношения любви гораздо важнее исполнения ритуалов послушания.

Мария из Вифании была рядом с Христом в самые важные моменты Его жизни... потому что она сердцем чувствовала, чего хочет Иисус. *Она Его любила!*

Сами ученики Христовы, апостолы, этого не понимали. Им было так жалко денег, потраченных зря на всю эту косметику! А для одного из них, Иуды, это была уже последняя капля. Ему уже до смерти надоело, что на дела Христос внимания не обращает, а смотрит прямо в сердце. Прямо оттуда он направился к первосвященникам и стал с ними договариваться, как им лучше взять Христа.

Я должен признать, что и я сам точно такой же, как апостолы. Помню, сидел я как-то на совещании (а я тогда ходил в одну церковь в Чикаго), и вместе со мной за столом сидел еще и старый седой швед, которого звали Гас. Мы какую-то стратегию обсуждали или программу, и тут вдруг Гас этот говорит: "Думаю, что начинать все нужно с молитвы. Я берусь за это дело молиться". И я тогда хрюкнул (то есть типа хмыкнул). Помню, как после совещания я кому-то говорил: "Этот Гас уже всех достал! Он только б молился и все!" Но мне ответили: "*Он любит Бога*".

Я за словом в карман не полез: "*А я, что, думаешь, не люблю? Но я еще здесь и дело делаю!*" Но теперь я смотрю на то, что из моей души вылезло в том году, и в году после того, и во все другие годы после того... и должен признать, что не любил я тогда Бога по-настоящему. Я *проекты* любил. Мне нравилось, когда нужно срочно что-то *делать*. А когда все мои проекты пришли и ушли... когда жизнь свою я загубил, потому что далеко ушел от Божьего проекта... Гас оставался там же, где и раньше. Он, как и раньше, молился. Он тянулся к Богу. Он Его по-прежнему любил. Он все понимал. А я не понимал. Он был Мария. А я Марфа.

И я сегодня молюсь о том, чтобы меньше *делать* (как Марфа) и больше *быть* (как Мария) каждый Божий день моей жизни. Чтобы мне соскочить с бесконечной ленты конвейера срочных дел, чтобы мне себя мерить не по тому, что я делаю, а по тому, кто я есть. Потому что для Христа кто я есть гораздо важнее, чем все то, что я за всю жизнь могу сделать.

7

СИЛА БЫТЬ "ТВОИМ"

Имя у нее было такое обычное, такое простое, что никто даже и не помнил, что оно значило или откуда взялось. Мария. У нее было полно подружек детства, которых тоже звали Мария. Родилась она не на той стороне "черты бедности", на которой дворцы, а на той, на которой хижины. А кроме того, еще и в городе таком, что услышав его название, все хмыкали. Назарет был город. В Галилее. Само слово "Назарет" вызывало улыбку. Про этот город, наверно, рассказывали анекдоты. "Заходят в бар два мужика из Назарета..."

Даже родня Марии и то на нее смотрела свысока. По крови-то она была иудеяной. А Иудея была регионом престижным. Но Мария жила не среди своих, не в столице, а в глухой провинции, Галилее, у моря... "местного значения", Галилейского. Деревенщина сиволапая там жила. Говорить по-городскому не умела. И веры истинной не блюла. В Галилее было полно язычников, так что там никакой "кошерностью" и не пахло.

Но Мария была девушка хорошая. Она и Бога любила, и людей. А потом ее полюбил парень по имени Иосиф, и у них была помолвка. В общем, самая что ни на есть обычная была жизнь. Ничего диковинного с Марией никогда не приключалось...

До того дня, пока не появился ангел. Вот уж это была всем диковинкам диковинка! Как она перепугалась! Но ангел оказался нестрашным, а наоборот добрым и сразу ее успокоил. Успокоил, а потом сообщил новость, от которой можно было о ума сойти: у нее должен был родиться ребенок. А о ребенке этом ангел говорил так, что Марии стало ясно: речь шла о Мессии, о Том, Кого ее народ ждал уже много веков.

Мария Богу верила. Но один вопрос у нее все-таки был, вопрос, можно так сказать, организационный. **"Как будет это?.." (Лк. 1:34)** Она ни с кем еще никогда в интимных отношениях не была. Как же у нее может родиться ребенок? Мария в обетование поверила, но план его осуществления не совсем поняла.

И я ей очень в этом сочувствую, потому как и сам всю свою жизнь точно так же маюсь. Богу-то я верю... по крайней мере, говорю, что верю... ну, хотя бы стараюсь верить. Верю, что Он говорит правду. Верю, что Он меня любит и обо мне заботится. Верю, что все Он делает так, чтобы в конце все получилось как можно лучше. Но пока конец этот не наступил, люди мои дорогие, я частенько ни малейшего понятия не имею, как Бог доведет какое-то гиблое дело до счастливого конца. Меня жена выводит из себя... как же Бог умудрится дать мне сил сдержаться, как Он меня сможет утешить и как из этого всего выйдет что-то хорошее? У меня с работой полный завал... как же Бог справится со Своим обещанием? Тут же сколько сначала разгрести придется в этом завале! Здоровье у меня шалит так, что порой ни охнуть, ни вздохнуть. Тут уж про любовь Божью не думается... Дохнуть бы хотя! С финансами... ну, тут искривление времени и пространства какое-то. Деньги на месяц кончаются тогда, когда месяц кончатся еще и не думает! Бог обо всем позаботится? И я задаю вопрос Марии: "Как будет это?.." И вопрос-то честный, от души. Что ж его не задать? Бог-то все равно знает, о чем я думаю. Почему ж не спросить в открытую?

Но нужно бы мне еще и в том пример с Марии брать, чего она *не* спрашивала. А не спрашивала она: "А как же моя честь? Это же какой-то позор! Люди-то что про меня подумают?" Она не сказала: "А как быть с Иосифом? Он же не поверит. Прибьет на месте". И не сказала она: "А что с ребенком делать? На него ж все пальцами будут показывать. Разве так должен родиться Мессия?" Не сказала Мария: "Я не могу себе этого позволить". А еще не сказала: "Меня это не устраивает. Я немного иначе намечала себе свою жизнь. Зачем мне с такими делами связываться?"

А я именно такие вопросы (и готовые ответы) подбрасываю Богу. Он мою жизнь бросает в новый поворот, и у меня сразу появляется миллион вопросов, миллион возражений. Я постоянно рассчитываю, просчитываю и высчитываю, что подумают люди. Подбиваю бабки, во что это мне обойдется. Не только в смысле материального, но и морального ущерба. От чего мне придется отказаться, если все-таки придется за это новое дело взяться? Я, конечно же, ничего терять не хочу. Я, конечно же, и ничего добиваться с нуля тоже не хочу. Ну никак мне не хочется, чтобы Божьи задумки шли вразрез с моими!

Так что нужно мне с Марии брать пример, нужно. Она доверила Богу свою репутацию, своих близких, все свои дела. Она поверила в Божье обещание. Ей просто хотелось знать план. "Как будет это?" Как это все получится? Чего Ты от меня хочешь, Боже?

* * *

Ангел на вопрос Марии ответил... и ответил он ей, в принципе, то же самое, что Бог отвечает мне, когда я спрашиваю: "Как это все получится?" **"Ангел сказал Ей в ответ: "Дух Святой найдет на Тебя, и сила Всевышнего осенит Тебя" (Лк. 1:35).** Бог брался сделать то, за что брался. Все организационные вопросы Бог принимал на Себя. И когда я с ума схожу от того, что не знаю, что, как и когда, Бог мне говорит: "Даг, Я взялся – и Я сделаю. Ты можешь расслабиться. С тобой будет Мой Дух. По ходу дела ты окажешься под покровом и в тени Моей силы". Он говорит: "Даг, тебе вовсе не нужно полагаться на свой дух или на свою силу. От них все равно никакого толку не будет. Я тебе даю *Мой Дух, Мою силу*". И дальше ангел Марии сказал: **"...Ибо у Бога не останется бессильным никакое слово" (Лк. 1:37).** То же самое Бог говорит и мне. "Даг, у тебя всякое слово остается бессильным. Ты ничего не можешь сделать. Все тебе кажется трудным и сложным. Но ты не один снимаешься в этом фильме. Ты думаешь, что ты пуп земли, а ты всего только "взял на роль". Я – Бог, и Я ни капельки не сомневаюсь, получится ли у Меня то дело, которое Я тебе предлагаю".

* * *

Ответ Марии просто поражает. Несмотря на то, что Бог ее ставит в ужасно тяжелую ситуацию, что она идет по Его воле навстречу скандалу, боли и мукам, несмотря на то, что она никак не могла знать, во что это все ей обойдется... она Богу ответила так: **"Се, Раба Господня; да будет Мне по слову твоему" (Лк. 1:38).** Как прикажешь, Господи. Делай, что хочешь. Я пойду на все. Я Твоя. Я рожу Сына Твоего".

Когда у вас рождается ребенок, вы, ясное дело, считаете, что он – ваш. Но на самом деле это вы – его, а не он – ваш. Когда вы становитесь родителями, вы говорите: "Дитя мое, мы – твои. Мы будем принимать на себя и хорошее, и плохое. Мы будем за тобой подчищать все и всюду, что бы и где бы ты ни наследил, ни напачкал". Вы никак не можете знать, какие у вас будут проблемы с этим ребенком, какие он вам неудобства доставит, как перекрутит-перекомкает график ваших дел и

привычек. Вам неизвестно, не станет ли это дитя для вас тяжким бременем. Оно может серьезно заболеть. Оно может вас предать. Умереть может.

Когда Кристина мне впервые предложила взять чужого ребенка, я пришел в ужас и сказал: "Чтоб мы взяли ребенка, который потом может крутнуть хвостом и нас бросить? Это ж страх один! Мы ж такого не переживем!" И жена моя очень мудро ответила: "А откуда ты знаешь, что наш родной, природный ребенок такого не сделал бы? Разве ребенка любят за то, что он тебе дает гарантию примерного поведения на всю жизнь? Ребенок никаких гарантий дать никому не может". И я понял, что я говорил полную чушь и думал только о себе, и ни о ком больше. Я пытался управлять тем, чем управлять невозможно... я любовь вывернул наизнанку. Для меня в любви было важно, что я от нее получу, а не что отдам. И я покаялся, и мы стали ходить на курсы для будущих родителей, и взяли чужого ребенка.

Родители ребенку говорят не столько "Ты – наш", сколько "Мы – твой". И быть "твоим" – это не слабость, а великая сила. Что бы тебе сегодня ни понадобилось, я буду к твоим услугам. Что бы тебе ни понадобилось завтра, я опять же буду к твоим услугам. Что бы ты ни вытворял, какие бы у тебя ни были "сдвиги по фазе", что бы ты себе ни вбил в голову, я от тебя не уйду. Моя к тебе любовь неумолима. Я уже не свой. Я – твой. Я тебе принадлежу. Я буду за тобой идти. Я буду стараться *перед* тобой идти. Я буду искать для тебя самое лучшее, самое полезное. Я буду тебе помогать, когда ты и думать не будешь, что тебе нужна помощь, когда тебе будет казаться, что никакая помощь тебе как раз не нужна. Если без этого никак не обойтись, я позволю тебе меня неправильно понимать. Если без этого нельзя, я дам тебе меня обижать. Если без этого не бывает, я допущу, чтобы ты меня ненавидел. Но я тебя не оставлю. Я – твой. Сила быть "твоим" – сила любви.

В тот самый день, когда нам выдали лицензию на усыновление, нам на голову с визгом и писком свалилась крошечная трехмесячная Натали. Некоторым из вас она известна как наша 15-летняя дочь, но в тот день, когда она у нас появилась, мы думали, что она, как пришла, так и уйдет, как подавляющее большинство детей в системе приемных родителей. Официально цель Службы защиты детей в штате Аризона – "вернуть детей родителям", если это только возможно. Так что сотрудник Службы вел работу с родителями

Натали, чтобы изменить обстановку в семье и чтобы она могла туда вернуться. Мы были "временными" родителями, такая у нас была роль в этой драме. Нужно было влюбиться в этого ребенка, полюбить его всем сердцем, а потом, когда наступит время, отпустить его назад.

Но с семьей Натали все сложилось очень непросто, и она от нас не ушла. Сотрудник, "ведущий" эту семью, организовывал встречи девочки с родной матерью. Сначала эти встречи были очень короткими, и проходили они в офисе Службы защиты детей. Потом мы стали Натали привозить на эти встречи домой к ее матери в присутствии сотрудника Службы. В конце концов, такие встречи проходили без сотрудника, потом они превратились во встречи с ночевкой, а потом во встречи, которые растягивались на несколько дней. Так шло долгие месяцы, а потом месяцы складывались в годы. Мы отпраздновали первый день рождения Натали, второй день рождения, третий... Она знала, что Кристина – это мама, я – папа, а Кристофер – маленький братик. У нас в церкви она была настоящей принцессой!

Но дело шло с переменным успехом, у родной матери Натали были проблемы, она никак не могла взять себя в руки, а отец Натали уже давно как исчез в неизвестном направлении... поэтому, когда Натали было три годика, мы с Кристиной решили, что, если все будет идти так, как шло, то мы удочерим Натали уже на полных, а не временных правах. Подходило время регулярной встречи с сотрудником Службы защиты детей, так что я надел костюм и галстук и приготовился прийти на эту встречу и сказать, что мы оставляем девочку у себя. Но когда я вошел в кабинет, мне сообщили, что нашелся отец Натали (где-то в Далласе) и что отец хочет вернуть дочку себе.

Помню, что я сам не свой вышел из того кабинета. Вечером мне нужно было преподавать в семинарии. Лекция началась – я встал... но не мог сказать ни слова Я просто сорвался и разрыдался перед всем классом. Мы всегда знали, что так, скорее всего, дело наше и закончится, но теперь я просто понял всем существом своим, что это значит: нашу девочку у нас должны были забрать.

Сотрудник Службы запустил в действие процесс передачи ребенка. Встречи с родным отцом в Далласе "в присутствии". Потом "без присутствия". Потом встречи на более долгое время. Потом на выходные. Потом на неделю. Прошел третий день рождения Натали. Процесс передачи ребенка продолжался

месяц за месяцем, пока наконец сотрудник не сказал: "Все. Пора".

Мы собрали друзей на четвертый день рождения Натали (дом был набит битком), а через несколько дней мы поехали в аэропорт. На прощание мы с Натали обнялись. Нашему сыну Кристоферу было всего три годика, и он обниматься не хотел. Но Натали сказала: "Обними меня, Кристофер! Я больше к вам никогда не вернусь!" Мы вложили ее маленькую ручку в руку сотрудника Службы и смотрели, как они уходят от нас. Все шло так, что мы ее никогда больше не должны были увидеть.

Но я могу вам честно сказать, что, даже зная, что Натали придется отдать, я не променял бы ни на что на свете ни одно мгновение из этих четырех лет. Я бы не променял тот ее взгляд вверх из детской кроватки в Доме ребенка в Финиксе, когда она глянула на меня и улыбнулась. Я бы не променял те мгновения, в которые слышал ее смех, смотрел, как она начинает ползать, видел, как она учится ходить, или слушал, как она выговаривает первые слова... а потом говорит, говорит и говорит! Чтобы из зала пройти в прихожую, у нас нужно подняться на одну ступеньку. И она становилась на эту ступеньку и устраивала для нас концерты, исполняя песню из репертуара Морриса Чапмана из "Бруклинской скинии", по-детски коверкая слова.

Натали была для нас радостью в чистом виде. Такая вся живая и звонкая! Одно удовольствие, а не ребенок.

Мне кажется, точно так же относилась к своему первенцу Мария. Сказано в Библии, что Мария и Иосиф "дивились" тем диковинным речам, что люди говорили о их Сыне (Лк. 2:33). А еще сказано, что все слова, которые ее маленький мальчик в те ранние годы Его жизни ей говорил, Мария **"сохраняла... в сердце Своем"** (Лк. 2:51). Ничто нельзя сравнить с теми чувствами, которые ты испытываешь, когда держишь на руках ребенка, который тебя любит. Ничем эти чувства, я думаю, не измерить.

* * *

Когда Мария ответила Богу покорностью, бесконечный Господь вошел в ее конечное, ограниченное тело, чтобы в нем пребывать. На латыни этот поразительный феномен звучит как *finitum capax infiniti* – "конечное вмещает бесконечное". Но жизнь у Марии вслед за этим была вовсе не сказочная. Когда она согласилась принять этого ребенка, она не знала, на что идет. Она не могла предвидеть той паники, которую испытала,

когда они с Иосифом потеряли Иисуса в Иерусалиме. Она не могла предвидеть, что люди будут называть ее Сына безумцем, что над Ним будут смеяться родные братья. Она была еврейкой, а евреи верили, что Мессия, когда придет, будет править миром. Она никак не могла предвидеть, что Иисуса возьмут под стражу. Что Его будут судить. Что Его распнут. Но пришел день, когда ей пришлось с Сыном распрощаться. Отец забрал Свое дитя назад.

Когда она согласилась на предложение Бога, она соглашалась и на возможность страданий и мук. Она соглашалась на все неудобства, без которых воспитания детей не бывает. Она соглашалась на то, что не будет знать, чем все кончится. Она соглашалась на истинное, полное, неподдельное и безраздельное доверие Богу, на то, что Бог всегда знает, как лучше. Она соглашалась на то, что она – лишь малая деталь в бесконечном гобелене, который ткал Бог.

Когда мы соглашаемся на что-то, что нам предлагает Бог, Он тоже приходит, чтобы в нас пребывать. Наше конечное "я" вмещает в себя бесконечность! Но когда мы говорим Богу "да" на Его предложение, мы делаем то же самое, что сделала Мария. Мы соглашаемся на возможность страданий. Соглашаемся на то, что не будем знать, чем все кончится. Соглашаемся на то, что мы – лишь малая деталь в бесконечном гобелене, который ткет Бог. Он призывает нас покориться тому, что Он в нас вложил. Призывает быть готовыми и к великим надеждам и великим обидам. Призывает принять жизнь такой, какая она есть... поверить, что Бог всегда знает, как лучше, и всегда все для нас делает, как лучше.

* * *

Когда Мария целовала свое дитя, она целовала лицо Самого Бога. Но наступил день, когда она вынуждена была свое дитя отдать. Она должна была с Ним распрощаться. Ее Сын шел на крест. На позор. На боль. На муки. На смерть. И эта радость, эта честь – держать в руках младенца Христа – подразумевала, что придет день, когда она будет держать на руках мертвое тело Спасителя. Утро Рождества несло в себе предвестие Страстной пятницы. Любовь нужно брать "с нагрузкой". В любви нельзя выбирать только вкусенькое.

Уж такая это штука, любовь, что она чего-то человеку стоит. Сегодня про это слушать не любят, но никуда от этого не денешься. И так было всегда. Богу очень дорого обошлась любовь к нам, и нам тоже любовь к Богу и к ближнему во что-

то обязательно обходится. Совершая вместе евхаристию, мы вспоминаем *смерть* Христа. Нам сказано, что Он **"смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной"** (Флп. 2:8). Любовь – это покорность. Любовь – это жертвенность. Наша цель в жизни – удобство, комфорт. Наш идеал – отсутствие болевых ощущений. Но Богу виднее. Именно в боли, труде и грязи любви мы познаем, ради чего действительно стоит жить. Что приносит удовлетворение. Это и есть та самая жизнь с избытком. Такую жизнь и задумал для нас Бог, жизнь по образу Божьему. Истинная любовь знает, что без боли жизни не бывает и что именно преодоление боли делает жизнь богаче и осмысленнее.

Именно когда мы в боли доверяем Богу, в нас бурлит сила воскресения. Сила возрождения. Сила новой жизни. Вы любите своего ребенка... вы с ним проходите через беды и испытания... вы стискиваете зубы, вы проливаете слезы, вы умоляете Бога о помощи... а когда все заканчивается, все будто бы начинается сначала. Вы можете снова вздохнуть полной грудью. Вы можете возрадоваться.

* * *

Апостол Павел научился "хотеть всего сразу". Он хотел не только хорошего, не только радости и славы... он хотел еще и боли, и испытаний, и страданий... потому что знал, что именно в этом всем кроется воскресение. Именно в этом всем происходит возрождение. Именно так начинается обновление.

Филиппийцам 3:

10 Чтобы познать Его, и силу воскресения Его, и участие в страданиях Его, сообразуясь смерти Его,

11 чтобы достигнуть воскресения мертвых.

Ключевое слово здесь в русском переводе опущено. В оригинале по-гречески стоит "pros". Буквально это переводится "как-нибудь, хоть как-то" – **"чтобы хоть как-нибудь, чтобы как-то достигнуть воскресения мертвых"**. Павел научился говорить: "У меня будет ребенок. Я не буду принадлежать себе. Я буду жить в покорности. Я буду принимать и плохое, и хорошее. Я и силу приму, и боль. И славу, и горе. И я буду верить, что *как-нибудь, хоть как-то* Бог меня снова вернет к жизни. К здоровью вернет. К радости.

Натали не было с нами два с половиной года (ей уже было шесть с половиной, и она жила в Техасе), как вдруг однажды часов в десять вечера у меня зазвонил телефон. Родственники Натали из Техаса хотели у нас кое-что спросить. В семье у них

опять все пошло наперекосяк... так не могли бы мы взять Натали опять на воспитание?

Какие могут быть вопросы? Какие сомнения? Вероятность того, чтобы после "временного" усыновления ребенок возвратился в семью, а потом опять к "временным" родителям, просто невероятно мала, ничтожна. Не бывает такого, чтобы родители звонили усыновителям и говорили: "А может, возьмете вы себе нашего ребенка?" Но Бог нашу Натали нам вернул... *ros.* Как-то. Каким-то непостижимым образом. Бог твердо был намерен закончить то, что начал. Чего бы это ни стоило. И мы смогли поднять головы, и раны на сердце у нас зарубцевались. Бог твердо был намерен закончить то, что в нас начал.

Мальчик Марии три дня был мертв... Его тело давно лежало в гробнице... когда пришло утро воскресного дня. Еще свежа в памяти была страшная Страстная пятница. Но теперь было пасхальное воскресенье. И мальчик ее вернулся. Он снова был жив. Он воскрес. Как такое могло случиться?.. А вот просто взяло и случилось... *ros.* Как-то. Каким-то непостижимым образом. Бог просто взял и совершил Воскресение. Исполнил Свое обещание. Сотворил великую и удивительную тайну. Бог твердо был намерен закончить то, что начал. Чего бы это ни стоило. Даже если для этого нужно было совершить чудо. Даже если нужно было победить саму смерть.

Мария любила свое дитя. Она всю себя отдала, чтобы об этом дитяти заботиться, чтобы Его растить. Она открыла свою душу всем радостям и горестям, с этим связанным. Она познала силу и славу. Она муки познала. Но увидела Воскресение. Она **как-то** смогла "**достигнуть воскресения мертвых**".

И не было никого счастливей этой мамы в пасхальное воскресное утро! Но такой счастливый конец был возможен лишь благодаря тому, что история началась совсем с другого. "**Да будет Мне по слову твоему**" (Лк. 1:38). Я готова. Я иду на это. Как прикажешь, Господи. Пусть будет хорошо, плохо, приятно, больно... Я Тебе доверяю. Ты это начал – я верю, что Ты же и завершишь. Выбирай меня. Действуй через меня. Я хочу, чтобы сбылось все, что Ты обо мне задумал, когда меня вообще задумал. Я – твоя.

8

ВЫЧИСТИ МЕНЯ

Я мог бы вам рассказать про некоторые из своих подлостей. Я мог бы свои тайные грешки вам приоткрыть. А мог бы поведать про некоторые подлости, которые не я, а мне делали. Кое о чем из того, что хотел бы бросить, но никак не могу бросить, тоже мог бы поговорить. И о том, что хотел бы начать делать, потому что знаю, что так нужно, но никак вот не получается начать.

Я смеюсь, болтаю, беззаботно пошучиваю... но знаете что? В мозгах у меня столько всего сидит! Воспоминания, тайны, страсти... Десятки моих личных демонов... И я вам про все это ни слова не говорю. И дальше так и собираюсь все это держать там, где оно сейчас, примерно между ушами.

И утешает меня, наверно, только одно – то, что я знаю: не я первый так живу. У Иисуса был близкий друг, а точнее, подруга, у которой тоже много всякого насобиралось. Ее часто называют Мария Магдалина, но "Магдалина" тут добавлена только для того, чтобы отличать эту Марию от других Марий, которых было очень много. А значит слово "Магдалина", что Мария эта была родом из рыбацкого поселка Магдала на западном берегу Геннисаретского озера. Сегодня мы бы ее, наверно, называли Мария-магдалинка, как, к примеру, Анна-итальянка, или сказали бы про нее "Мария из Магдалы" (Анна из Италии). Но эта Мария настолько выделяется в исторических повествованиях Писания... настолько шокирует, можно сказать... что на протяжении веков слово "Магдалина" стало ассоциироваться с тем, чем занималась Мария из Магдалы. С чем-то неприличным. Скандальным. Непозволительным. Город Магдала "в общем и целом", можно сказать, процветал. А вот про Марию этого сказать было нельзя.

Такого она набрала за свою жизнь багажа, что с ума сойти! Когда Христос впервые с ней встретился, она была страннее и страшнее любого чудака и ненормального, которых нам с вами доводилось видеть. Предание гласит, что она была блудницей, но исторических свидетельств, это подтверждающих, нет.

Однако история свидетельствует о другом, что, по моему мнению, было еще хуже, еще ужаснее: в нее вселились семь бесов (**Мк. 16:9; Лк. 8:2**). Это была самая настоящая пытка. Белый свет Марии был не мил. Душевное заболевание в самой что ни на есть наиострейшей форме. Все в душе у этой женщины смешалось, свертелось в один клубок – ярость, боль, тоска, бессилие, собственная никчемность, безнадежность... В процветающем городке, в котором народ сплошь жил работающий и деловой, Мария была известна как местная дурочка. Психбольная. Одержимая. От нее матери прятали детей. Она не знала никакого человеческого отношения, никаких простейших актов вежливости, которых мы даже и не замечаем – ей не улыбались, не говорили "пожалуйста", "разрешите"... Все это ей было неведомо. От нее шарахались. О ней шушукались.

Насколько нам известно, человека в ней увидел всего один человек. Он открыл ей свои объятия. Он возлюбил ее. И это был Иисус. Он это никак не афишировал, не подчеркивал. Нет у нас в Библии такого эпизода, чтобы Христос впервые повстречал Марию Магдалину и сразу... ах! Молния блеснула! Все вокруг переменялось! Нет. Просто Христос любил Марию всем сердцем. Она была в отчаянном положении, ей нужна была помощь, но ждать этой помощи было неоткуда. И, возлюбив Марию, Иисус ей помог. Сверхъестественной силой Своей любви Он освободил ее от демонов. Там, где раньше кишели бесы, теперь была пустота и чистота. И эту чистую пустую комнату можно было обставлять чем-то хорошим. На этой чистой грифельной доске можно было написать признание в любви.

Эта женщина *годами* не знала ничего, хотя бы отдаленно похожего на радость... и тут все вдруг изменилось! Попробуйте представить, что стали думать люди в городе. Странная, страшная, сумасшедшая, одержимая в одно мгновение стала здоровой, счастливой... человеком стала!

* * *

Некоторые считают, что это именно Марию Магдалину "взяли в прелюбодеянии", как о том рассказал апостол Иоанн (**Ин. 8:2-11**). Только что закончился праздник кущей. В конце каждого года по иудейскому календарю евреи вспоминали, как много веков назад Бог вывел их из рабства в пустыню, а из пустыни потом – в землю обетованную. Поэтому во времена земной жизни Христа Иерусалим всегда был полон

паломников, которые приходили в храм на праздник кущей... и Христос этим воспользовался. Он сидел на "дворе женщин" (один из внешних дворов, в котором позволялось находиться и мужчинам, и женщинам) и проводил спонтанные семинары на вольные темы. Он готов был учить всех, кто оказывался поблизости, у кого был пылливый ум и кто хотел о чем-то поговорить.

И вот в эту публику, в эту толпу книжники и фарисеи притащили женщину, которая, по их словам, была взята в прелюбодеянии. По законам того времени и она, и мужчина, с которым ее застали, должны были быть побиты камнями. Но мужчине, видно, удалось спастись бегством. Как бы там ни было, но привели одну только женщину, и привели так, чтобы ее унижить по максимуму. Им было мало сделать из этого случая дело государственной важности. Им мало было подбросить Христу замысловатую задачу и попытаться Его подловить на каком-нибудь слове, за которое Его можно было бы осудить. В Писании сказано, что блюстители нравственности женщину "поставили посреди" (см. Ин. 8:3), а сами стали пытаться Иисуса. Ее уже унизили... уже застали в постели с мужчиной, который не был ей мужем... уже вытащили из дома... А теперь ей приходилось стоять здесь, на виду у всех, среди книжников и фарисеев, отчего грех ее становился настолько выпуклым, выставленным напоказ, что большего унижения трудно было себе представить.

Христос же сохранял спокойствие. Он произнес великие слова: **"Кто из вас без греха, первый брось на нее камень"** (Ин. 8:7), которыми парализовал обвинителей женщины. И всех как ветром сдуло. Остались только Иисус и женщина. Христос мог бы воспользоваться случаем и "поучить ее жизни". Он мог бы начать ей разъяснять, что именно для нее предназначил Бог, мог бы ей прочесть проповедь. Но Христос ничего этого не сделал. Он просто сказал: **"И Я не осуждаю тебя; иди и впредь не грешь"**. То, чем вы себя пытаетесь наполнить, вас просто мучит. А это никому не нужно.

Иисус мог бы точно то же самое сказать любому из нас. Тому, кто таскает за собой груз своих интимных походов. Тому, кто напихал себе полное сердце стыда за свои амурные проказы и шалости. Тому, кто носит на плечах горькую память о том, как он кем-то попользовался, а потом бросил. Той женщине, которая много лет мечтала очаровать какого-то мужчину, а потом очаровала... и поняла, что это ей абсолютно

ничего не принесло. Тому мужчине, который пытался утолить жажду своей гордыни, покорив сердце женщины, а потом покорил... и обнаружил, что не получило его самолюбие от этой победы того, что хотелось... и пошел он дальше, покорять другие сердца. Тому, кто всю свою сознательную жизнь рвался к удовольствиям плотским и всяким, но ни в чем по большому счету настоящему удовольствия так и не нашел.

Иисус не осуждает. Он не говорит: "Да гляньте вы на все барахло, что было у вас в прошлом. Посмотрите на всю дрянь, что накопилась в сердце у вас. Обратите внимание на все свои промашки и провалы". Он просто говорит: "Я все это отсюда вычищу. Я не собираюсь добавлять ко всем булыжникам, что вы у себя в сердце таскаете, еще и Мой приговор. Вы можете жить в свободе от этого всего. Моя любовь вас вычистит изнутри. Она расчистит декорации, и на новой сцене мы сможем начать ставить новую пьесу".

* * *

Некоторые считают, что именно Мария Магдалина была виновницей происшествия в доме фарисея Симона (Лк. 7:36-50). Симон устроил пир и пригласил к себе Иисуса. Ели тогда не за столами, как мы с вами едим. Вы скажете, а как же картины про Тайную вечерю? Не знаю, почему их так писали, эти картины, но такого в Палестине тех лет просто быть никак не могло. На пирах тогда ставили очень низкий столик, и гость "возлежал", опираясь левой рукой на подушки, а правую используя по назначению – для еды. Тела гостей, таким образом, располагались за ними, дальше от стола, так, что общая схема была похожа на рисунок спиц в колесе. Гости, приходя на пир, снимали свои сандалии и лежали у стола босиком.

В то время женщин на пиры не приглашали, там собирались обычно богатые мужчины, но, поскольку эти угощения устраивались или на свежем воздухе, или под каким-нибудь навесиком, на верандочке, поблизости всегда крутился простой народ, наблюдая за трапезой и прислушиваясь к разговорам. Это для них было то, что для нас телевизор. А если на пир приглашали раввина, то народ ожидал услышать из его уст какие-нибудь премудрости.

И еще один был в то время обычай – иудейские раввины с женщинами на людях не разговаривали и трапезу с ними ни в коем случае не разделяли. А уж чтобы женщина, всем известная как злостная грешница, могла войти в дом фарисея,

человека по определению святого и праведного, об этом и речи быть не могло. Но Лука нам рассказывает, что на званом обеде у Симона объявилась как раз "женщина того города, которая была грешница" (может, блудница, но точно мы этого знать не можем). Она перешла положенную черту. Не держалась на положенной дистанции. Услышала про пир, узнала, что на нем будет Иисус, все рассчитала, пришла пораньше и сразу прямо в самый центр событий... только-только Христос возлег у стола – и тут она!

Симон, хозяин дома, уже и этим одним был бы потрясен до глубины души, но то, что эта женщина проделала вслед за своим появлением у стола, привело его в состояние тихого (или дикого) ужаса. Она ничего не говорит, ничего не делает, а просто начинает рыдать. На нее вдруг накатывает все сразу – что жизнь у нее пропащая, что она такая плохая, а Христос такой хороший – и слезы льются сами собой. Она плачет навзрыд, слезы льются и, стекая по щекам, капают на ноги Иисусу. Я не думаю, что она так рассчитывала специально. Никакого скрытого смысла здесь не было – просто так получилось. И когда она увидела, что ноги Христа мокры от ее слез, она решила их вытереть.

Волосы у нее были длинные, но, по обычаям того времени, они были аккуратно собраны и прикрыты головным убором. Она снимает это покрывало, и оно падает на землю. Это была крайняя степень позора для женщины, но что ей оставалось терять? Она и так была ходячим олицетворением позора, ее и так презирали все вокруг. Итак, она встала на колени и волосами своими, как полотенцем, вытерла слезы с ног Иисуса. А потом, в полном самоуничижении, в знак величайшей любви и уважения, она стала целовать Ему ноги.

И наконец эта женщина открыла свой *alabastron*. Это был алебастровый сосуд с благовониями, которые еврейки обычно носили на шее. Как только она открыла свой сосуд, вокруг разошлись ароматы парфюмерии. И даже те, кто ее до того не замечал, теперь не заметить не могли. А она "мазала миром" ноги Христу (Лк. 7:38).

Это вышло за всякие рамки. Ну уж кому-кому, а ей-то такого никак нельзя! Тем более с равным такое вытворять. Человек "без предрассудков" мог бы подумать, глядя на такое, что она в Иисусе признала одного из своих клиентов. Фарисей Симона это настолько возмутило, что он усомнился, правду ли говорят люди о Христе, что Он пророк, потому что, будь Он

пророком, Он бы *знал*, что это женщина недостойная и ее бы сторонился. Ну уж никак бы не позволил ей так Себя подставлять.

Но Иисус не считал, что Его "подставили". Его это не оскорбляло. Ему это не мешало. Он видел, что эта грешница изливает из себя свой грех, выбрасывает из сердца весь хлам, опустошает сосуд с благовониями, купленными на деньги, полученные от клиентов. И Христос объяснил фарисею: "У нее было много грехов, за которые кто-то должен был ее простить... потому-то она Меня так сильно и возлюбила. У нее было много хлама, греха, боли, стыда... всего было столько, что она устала это на себе и в себе тащить. Ей очень нужно было все это из себя вычистить. И Я это сделал. А она приняла верой, что Я это сделал". **"Прощаются тебе грехи... – сказал Иисус. – Вера твоя спасла тебя, иди с миром"** (Лк. 7:48, 50). Из твоей кладовки выгребли весь мусор. Твоя грифельная доска вытерта начисто. Ты можешь начинать новую жизнь.

Мне такое очищение, "вычищение" нужно постоянно, раз за разом. Мне нужно, чтобы из моей кладовки выгребали мусор, потому что сам я его никак не выгребу. Мне нужно, чтобы для меня это сделал Христос. Он обещал это сделать и сказал, что от меня требуется только Ему поверить. Поверить, что Он говорит правду. Пустить в дело "веру" – и испытать тот прекрасный, ясный и чистый мир и покой в душе, который мне может дать только Он, Христос.

* * *

Одно о Марии Магдалине мы знаем наверняка. Когда Иисус был распят, она обезумела от горя. Сердце у нее было разбито. В душе было пусто. Но ни от сердечной боли, ни от душевной пустоты этой она не ослабела. Она пошла ко кресту (**Ин. 19:25**), хотя ученикам Христовым было это время безопаснее где-то пересидеть подальше от глаз людских. А после распятия, когда ученики, мужчины, в страхе попрятались, именно Мария Магдалина рискнула из одной чистой верности и преданности Христу пойти ко гробу (**Ин. 20:1**), чтобы тело Иисуса не было просто брошено как труп преступника, а чтобы с ним поступить, как требовали того обычая того времени. По всей видимости, с ней пошли еще несколько женщин, но Иоанн пишет о Марии. Видно, она была впереди. Наверно, это Мария вела за собой других.

Но когда она пришла ко гробу, тела там не оказалось. Гробница была вычищена изнутри. Все в ней было оставлено в

полном порядке. Погребальные пелены лежали аккуратно сложенными (**Ин. 20:7**). Сила Божьей любви вычистила эту мрачную, сырую пещеру и оставила после себя пустое помещение.

И вдруг Мария услышала свое имя (**Ин. 20:16**). И не вторую его часть, не "*Магдалину*". Не напоминание о грехе и позоре она услышала. Кто-то звал ее новую, ту, какой она должна была стать после очищения. Ту, которой она всегда была, сама того не зная. Звали *Марию*.

Это Иисус ее называл по имени. Он был там. Он был жив. Я бы это мгновение приберег для Иоанна, которого называли "любимым учеником". Но Иисус выбрал Марию Магдалину. Марии Магдалине, у которой столько всего было на совести, которую так гнул к земле грех, Бог предназначил первой увидеть воскресшего Христа.

Она побежала (**Мф. 28:8**). Она рассказала, Кого видела, другим ученикам Христовым. Я бы, наверно, все-таки этот моментик припас для Петра, у которого язык был подвешен будь здоров. Но Иисус выбрал Марию Магдалину.

А Петр, и не он один, подумал, что Мария подвинулась рассудком (**Лк. 24:11**). *Дурочка она дурочка и есть*. А кто-то, может, подумал, что женщина не выдержала напряжения последних дней и ночей. Но прошло совсем немного, и все все сами увидели. Гробница была пуста. Мария Магдалина, у которой когда-то на совести было столько всего разного, но теперь все было вычищено сверхъестественной силой и на душе стало свежо и чисто, эта Мария была избрана Богом, чтобы стать первым человеком, который принес другим людям весть о том, что Христос воскрес из мертвых.

* * *

У вас много чего накопилось за душой? Что у вас там? Прошлое воскресенье, воскресенье Пасхи, воскресенье Воскресения – оно было для вас. У вас есть свои личные бесы? Может, в вашей душе есть что-то такое, о чем никто-никто не знает. Вы раб какой-то страсти. Или это просто привычка. Или всего лишь склонность. Но вы знаете, что она вас держит за горло. К ней то и дело возвращаются ваши мысли. От нее вам постоянно тяжело на сердце. Иисус говорит: "Я уже сталкивался с таким случаем. Я вспоминаю Марию Магдалину. И я вас не осуждаю. Но хлам нужно повыгребать. У меня сердце разрывается, когда я на вас смотрю. Я умер ради того, чтобы вас можно было вычистить изнутри. Я воскрес, чтобы

показать вам, как это можно сделать – как начисто убрать любую гробницу, в которой вам приходится жить".

У вас много чего накопилось за душой? Что у вас там? Прошлое воскресенье, воскресенье Пасхи, воскресенье Воскресения — оно было для вас. У вас что-то с кем-то происходит. Что-то гложет внутри, не дает вам покоя. Вы не можете об этом забыть ни на минуту. Все ваши мысли только об этом. От этого вам постоянно тяжело на сердце. Иисус говорит: "Я уже сталкивался с таким случаем. Я вспоминаю Марию Магдалину. И я вас не осуждаю. Но хлам нужно повыгребать. У меня сердце разрывается, когда я на вас смотрю. Я умер ради того, чтобы вас можно было вычистить изнутри. Я воскрес, чтобы показать вам, как это можно сделать – как начисто убрать любую гробницу, в которой вам приходится жить".

У вас много чего накопилось за душой? Что у вас там? Прошлое воскресенье, воскресенье Пасхи, воскресенье Воскресения — оно было для вас. У вас обида? Вам больно? Слезы текут? Вы знаете, что нужно держать себя в руках, но как-то все никак не получается. Где-то в глубине души сидит какая-то грусть, которая полностью вами управляет. Все ваши мысли только об этом. От этого вам постоянно тяжело на сердце. Иисус говорит: "Я уже сталкивался с таким случаем. Я помню одну женщину, у которой сердце было до того разбито, что она слезами умывала Мне ноги. Ей приходилось своими волосами их вытирать. Но потом она сделала кое-что очень хорошее. Она открыла самый лучший свой сосуд с благовониями и вылила все из него прямо на Меня. Она все, что у нее было, отдала Мне, потому что знала... что только Я ей могу помочь".

Я думаю, Христос смотрит, как мы мучаемся, и видит, что спотыкаются большинство людей на одном и том же: на том, чтобы прийти к Нему. Чтобы избрать Его. Чтобы дать Ему все решать. Чтобы признать, что нужен нам только Он. Что только Он один может повыгребать из наших душ весь хлам и дать нам возможность все начать сначала. И даже когда мы этого не понимаем, мне кажется, Он нам все равно говорит:

"Я вас не осуждаю. Но хлам нужно повыгребать. У меня сердце разрывается, когда я на вас смотрю. Я умер ради того, чтобы вас можно было вычистить изнутри. Я воскрес, чтобы показать вам, как это можно сделать – как начисто убрать любую гробницу, в которой вам приходится жить. Чего у вас

насобиралось в душе – стыда, бесов, ужасных воспоминаний, страха, гордыни, вредных привычек? Чего именно, здесь уже не так важно. Я вас прощаю. Я вычищаю вас изнутри. А наполняю Я вас теперь уже Духом Своим".

* * *

Как же это происходит? Как мне дать Христу себя вычистить? Как мне не мешать Ему повыгребать из меня весь хлам? Я всю жизнь слышу одно и то же: "Иисус тебя простил. Тебе больше не надо нести этот груз. Он тебя освободил: нечего себя винить, нечего стыдиться. Он за все рассчитался. Суд закончен. Ты свободен!"

Но у меня-то в ушах по-прежнему звучит голос, который мне напоминает о моей вине. У меня перед глазами, как и раньше, висит моя "доска позора". Все идет и не кончается фильм о моем прошлом. С вами тоже что-то похожее бывает?

Может, именно поэтому многие из нас не любят тишину и покой. Когда вокруг, то есть снаружи, слишком тихо, начинают говорить голоса внутри нас. Когда внешний шум понижается до определенного уровня, мы начинаем слышать аудиосопровождение фильма, который постоянно крутят в нашем "зале бесславия"! Который напоминает нам о том, что мы творили. Который воскрешает старые обиды. Вот потому-то мы и стараемся себя со всех сторон обставить шумами: чтоб телевизор не выключался, музыка все время играла, диски крутились. Нам не обязательно смотреть или слушать, нам надо, чтобы просто был шум. Или шумок...

Или вот сидеть спокойно мы тоже не можем. Работаем мы над каким-то проектом. Если активных действий нам не поручено, у нас начинается нервный тик. Ведь стоит нам слишком долго просидеть в тишине и без суеты, как опять пойдет звуковая дорожка из того фильма, что крутят в "зале бесславия". Может, Иисус меня и простил, но фильм-то все не кончается.

Нет, я признаю и принимаю великий и поразительный акт Его прощения, принимаю на богослужении, когда книгу читаю, когда молюсь, когда с кем-то беседую... настолько глубоко понимаю и принимаю, что слезы благодарности из глаз льются. Я благодарю Бога за это прощение. Я могу верить в него всей душой. Но фильм-то в мозгах у меня все равно идет. Значит, я что-то делаю не так? Может, я мало верю? Может, я мало стараюсь?

Некоторые говорят: "Если так, то значит, вы сами себя не простили. Бог-то вас простил, но нужно еще и самим себя прощать". Но даже когда я это делаю, делаю сознательно, усилием воли, то стоит мне чуть утихнуть, успокоиться – и я слышу, что фильм, как шел, так и идет. Мои личные "бесы" живы-здоровы, и дар речи у них не отнимается.

Так почему бы Богу не взять и не стереть из моей памяти все, чего мне помнить не нужно? Если он и правда сделал то, о чем говорит, если **"как далеко восток от запада, так удалил Он от нас беззакония наши"** (Пс. 102:12), то почему же меня все преследуют сцены из прошлого, почему все не дают мне покоя кадры грехопадений моих? Зачем Богу позволять, чтобы такое продолжалось в душе у чада Его? Как мне от этого освободиться? Как остановить пленку фильма в "зале бесславия"? Как стереть запись на ней?

Если я задаю этот вопрос Богу, вот что Он мне отвечает: "Даг, это просто запись. Твои грехи могли тебя погубить. Но я все это из тебя вычистил. И память об этом поможет тебе жить дальше". *Бог не хочет, чтобы я забывал, что Он мне простил.* Он хочет, чтобы с памятью у меня было все в порядке.

Бог меня сотворил по образу Своему, а у Него-то уж с памятью точно все нормально. Всеведение без памяти никак не бывает! Без этого Бог не был бы Богом! Я хочу что-то забыть... а Он хочет, чтобы я все помнил, потому что именно так для меня будет лучше.

Если бы я мог забыть свой грех, я бы меньше мучился, а цель жизни в том и состоит, чтобы как можно меньше мучиться. Меньше в жизни неприятного – больше в ней приятности! Но у Бога другая система ценностей. Если я забуду, как мне было больно, я вернусь к старому. Я снова попадусь на удочку обмана. Я опять пойду по всем кругам иллюзорных и губительных удовольствий.

Память моя – это страховка. Фильм в "зале бесславия" – первая линия обороны. Именно этим средством, *больше, чем каким бы то ни было другим*, Бог будет пользоваться, чтобы не дать мне погубить себя и других.

Мой "зал бесславия" – комната пустая. Только вдоль стен стоят экраны. Больше в ней нет ничего. Грех мой прощен. Всего, что я нацеплял на свою совесть, больше нет. Но эта видеолента без начала и конца мне нужна. И аудиоряд к ней слышать мне нужно. Стыд, чувство вины... это уже меня может завести не туда, куда надо, в отчаяние и безнадежность... но

аудио-визуальную память о прошлом хранить можно и нужно. Неуютно от воспоминаний о своих падениях мне становиться должно. Так что же мне, больше грешить, чтобы полнее испытать Божью благодать (**Рим. 6:1**)? Никак. Это было бы просто глупо. Но вовсе не глупо то, что воспоминания мои позволяют мне постоянно заново испытывать благодать Божью, не имея необходимости в том, чтобы повторять грехи наяву. То есть получается, что грешить можно меньше, а благодать испытывать полнее!

И мне очень полезно в этой благодати практиковаться. Вспоминать, что я получил от Бога такого, чего не заслуживаю. Когда мне стыдно и горько, мне нужно напомнить себе о том, что Иисус рассчитался за все мои грехи. Я чист. Я прощен. С меня снята вина. Но муки совести напоминают мне, чем я обязан Богу за Его прощение. Его прощение и любовь превращают мой "зал беславия" в выставочный зал благодати Его.

Боже, помоги мне отключить шум, отложить работу, взять Тебя за руку и войти в мой зал. Не дай мне никогда забыть, за что Ты заплатил Своей смертью. Если я разрыдаюсь, как та женщина, слезы которой капали Тебе на ноги, дай, чтобы это были не слезы позора и стыда, а слезы радости, те горько-сладкие слезы, которые текут, когда я вспоминаю, кто я такой есть... человек, которого Ты, несмотря ни на что, так сильно возлюбил.